Reus, Dresdener Parteitag.

РЕУСЪ

Дни великаго суда германской соціалъ-демократіи.

(Замѣтки посторонняго о дрезденскомъ партейтагѣ.)

Берлинъ

Изданіе Ф. ГОТТГЕЙНЕРА, Берлинъ-Шарлоттенбургъ, Кнезебекштрассе 30.

(FRIEDRICH GOTTHEINER's Verlag, Berlin-Charlottenburg.)

1904.

I.

Казалось бы, послѣ грандіозной побѣды на выборахъ 16 іюня, нѣмецкая соціалъ-демократія имѣла всѣ основанія для того, чтобы почить на лаврахъ. Ея успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія; ей удалось подъ своимъ знаменемъ собрать неслыханное до сей поры число избирателей; однимъ ударомъ она болѣе чѣмъ въ полтора раза увеличила число своихъ бойцовъ въ рейхстагѣ; она заставила говорить о себѣ положительно всю мыслящую Германію и получила всенародное одобреніе своей истинно культурной политикѣ; наконецъ, именно на ея долю выпало выдвинуть на арену государственной дѣятельности широкія народныя массы и сдѣлать ихъ крупнымъ факторомъ политической жизни страны. Казалось бы, послѣ такихъ успѣховъ, соціалистамъ оставалось только одно: послѣдовать примѣру торжествующаго католичества, облечься въ лучшія одежды, устроить празднества съ флагами, торжественными знаменами и рѣчами, и воспѣть хвалу самимъ себѣ, побѣдоносному воинству, непогрѣшимымъ вождямъ и единой спасительной догмѣ . . .

Однако, на соціалъ-демократическомъ партейтагѣ, въ Дрезденѣ, закончившемъ 20 сентября нов. ст. свои засѣданія, дѣло обстояло совершенно иначе. Напрасно мы искали бы здѣсь праздничнаго ликованія или удовлетвореннаго самодовольства: вмѣсто побѣдныхъ кликовъ и торжественныхъ гимновъ здѣсь раздавались раздраженныя, печальныя рѣчи; вмѣсто взаимнаго самовосхваленія — падали удары безпощадной критики; вмѣсто сладкихъ привѣтствій и трогательнаго единенія — слышались страстныя, переходящія иногда всякія границы, личныя нападки, злые сарказмы, бурные взрывы негодованія. Воистину, надо было обладать желѣзными нервами, чтобы не потерять спокойствія при видѣ этого „страшнаго суда“ соціалъ-демократіи надъ самой собою, чтобы пережить безъ потрясеній этотъ тяжелый процессъ самопровѣрки и самоочищенія, который замѣнилъ собою на дрезденскомъ партейтагѣ упоеніе одержанною побѣдою.

Послѣ побѣды надо было почиститься. И если для всякой другой партіи, стоящей исключительно на почвѣ политической программы, всякое внезапное и сильное увеличеніе ея мощи послужило бы только поводомъ къ торжеству и ликованію и не могло бы внушать ни малѣйшихъ опасеній за будущее, — то для такой партіи, какъ соціалъ-демократія, ея побѣда не только вела къ усиленію ея отвѣтственности передъ избирателями, но и внушала серьозныя заботы относительно внутренней ея цѣлостности и духовнаго единства. И въ самомъ дѣлѣ, быть соціалъ-демократомъ въ истинномъ смыслѣ слова, быть настоящимъ „товарищемъ“ далеко не значитъ быть только приверженцемъ

опредѣленныхъ политическихъ тенденцій или, какъ это говорятъ „свободомыслящіе“ — „другомъ“ опредѣленной партіи. Такихъ друзей (Mitläufer), въ отличіе отъ товарищей (Genosse), у „соци“ очень много. Они сочувствуютъ и не могутъ не сочувствовать глубоко-народной и гуманной политикѣ рабочей партіи, и не раздѣляя ни соціальной вѣры, ни экономическихъ теорій соціализма, они, однако, отдаютъ свои голоса соціалъ-демократамъ, такъ какъ это, съ ихъ точки зрѣнія, все же лучшая, честнѣйшая и наиболѣе прогрессивная партія изо всѣхъ существующихъ. Но, чтобы быть настоящимъ „соци“, настоящимъ товарищемъ, мало только голосовать за кандидатовъ партіи или жертвовать для нея денежныя средства. Какъ требуетъ совершенно опредѣленно § 1 статута ея организаціи, для принадлежности къ партіи нужно еще „исповѣданіе основныхъ положеній ея программы“, программа же эта не только предполагаетъ со стороны своихъ сочленовъ опредѣленное соціальное міровоззрѣніе, но также и извѣстную степень партійной нравственности, которая одна въ послѣдней инстанціи является рѣшающей для вопроса о томъ, поскольку тотъ или другой „товарищъ“ дѣйствительно осуществляетъ на практикѣ тѣ начала, которыя онъ исповѣдуетъ въ теоріи. Какъ было прекрасно сказано Бебелемъ въ его рѣчи на послѣднемъ партейтагѣ: „товарищъ“ принадлежитъ своей партіи „душою и тѣломъ“ (mit Haut und Haaren). И только такіе „цѣльные люди“, въ отличіе отъ „половинчатыхъ либераловъ“ буржуазныхъ партій, являются истинными членами партіи въ лучшемъ смыслѣ слова.

Нормальный и здоровый ростъ партіи поэтому

далеко не можетъ быть равнозначнымъ съ однимъ только ея внѣшнимъ ростомъ и увеличеніемъ числа поданныхъ за нее голосовъ. Только тотъ приростъ ей нуженъ, только тѣ члены являются для нея дѣйствительно цѣнными, которые ни своимъ міровоззрѣніемъ, ни нравственностью не подрываютъ общаго ея единства. Вполнѣ правъ былъ Бебель въ своихъ указаніяхъ на опасность, которую несетъ съ собою въ этомъ отношеніи такой громадный ростъ партіи, какъ совершившійся нынче. „Безъ единства принциповъ и убѣжденій, безъ единства цѣлей, — говорилъ маститый вождь соціалъ-демократіи, — не можетъ быть никакого единенія и воодушевленія во время битвы". Безъ такого единства партія не имѣетъ „никакой возможности двинуть въ бой свои полки, бригады и корпуса, руководить ими и привести къ побѣдѣ, какъ мы ее завоевали нынче, и какъ мы хотимъ ее завоевать даже въ томъ случаѣ, если бы весь міръ поднялся противъ насъ съ нашими врагами". Опасность внутренняго раздора въ партіи необходимо должна была увеличиться еще и потому, что соціалъ-демократія является „во многихъ отношеніяхъ наслѣдницей буржуазныхъ партій" и притомъ не въ смыслѣ простого „замѣщенія' „бюргерскаго либерализма", но въ смыслѣ дальнѣйшаго, развитія его требованій, „наддачи" къ нимъ того, о чемъ этотъ либерализмъ не смѣлъ и подумать. Вполнѣ естественно поэтому, что число сторонниковъ соціалъ-демократіи должно расти по мѣрѣ того какъ „негодованіе, недовольство и возмущеніе по поводу совершенно разстроеннаго внутренняго состоянія страны" распространяется все шире и шире. „Совершенная безтолковость нашей внутренней и внѣш-

ней политики, говорилъ Бебель, внушаетъ опасенія все болѣе и болѣе широкимъ кругамъ населенія и влечетъ ихъ въ объятія единственной партіи, которая до сихъ поръ твердо, ясно и съ полнымъ сознаніемъ цѣли шла своей дорогой". „Полный застой, если не открытая реакція въ удовлетвореніи необходимѣйшихъ культурныхъ потребностей, и притомъ не только въ имперіи, но и отдѣльныхъ государствахъ, неизбѣжно приводитъ къ соціалъ-демократіи многочисленные элементы. Къ этому же ведетъ и печальное финансовое хозяйство въ государствахъ и имперіи, и отсутствіе всякаго плана и цѣли въ нашей торговой политикѣ". . . „Военная и морская политика и выросшія благодаря ей колоссальныя тягости вызвали высочайшую степень неудовольствія среди широкихъ круговъ народа . . . Благодаря этой политикѣ мы постоянно терпимъ посрамленія, какъ, напр., въ Китаѣ, на Гаити, въ Венецуэлѣ и т. п.". . . „Все это должно теперь стать яснымъ для самаго простого человѣка въ народѣ. Онъ слышитъ постоянно все снова и снова о новыхъ военныхъ законопроектахъ, о новыхъ увеличеніяхъ флота, о новыхъ колоніальныхъ планахъ. Мы вѣдь желаемъ повсюду въ мірѣ, гдѣ только есть гвоздикъ, сейчасъ же навѣсить на него нашъ щитъ. И обо всемъ этомъ слышитъ каждый нѣмецъ. Онъ знаетъ, что ему придется жертвовать своими сынами для арміи и флота, онъ знаетъ, что будутъ повышены налоги, что всѣ эти расходы совершенно безполезны, что . . . опасность катастрофы растетъ въ той самой степени, въ которой увеличиваются вооруженія". Онъ знаетъ, наконецъ, „что широкія массы народа въ первую голову будутъ нести рас-

ходы на всѣ эти предпріятія, въ то время, какъ именно тѣ классы, которые поддерживаютъ эту политику и эти вооруженія, почти совсѣмъ освобождены отъ тягостей, ею налагаемыхъ. Всѣ эти тягости будутъ взвалены на работающіе классы"*). Таковы общія причины, которыя совершенно независимо отъ распространенія чисто соціалистическихъ убѣжденій необходимо увеличиваютъ число соціалъ-демократическихъ союзниковъ, а часто также и „товарищей". Многіе дѣлаются такимъ образомъ соціалъ-демократами, не ставши еще таковыми „душою и тѣломъ"; многіе заполняютъ собою ряды соціалистовъ, но сохраняютъ еще въ себѣ слишкомъ много обломковъ стараго міровоззрѣнія, стоятъ подъ властью многихъ отжившихъ для нихъ уже, казалось бы, предразсудковъ и предубѣжденій. И это вполнѣ понятно. Переходъ къ соціалъ-демократіи есть переходъ къ иной вѣрѣ, иному міросозерцанію, иной нравственности, чѣмъ тѣ, которыя господствуютъ въ буржуазныхъ или старо-сословныхъ кругахъ. Соціалъ-демократія требуетъ всего человѣка, „съ кожей и костями": она обѣщаетъ ему рай земной въ будущемъ, но требуетъ отъ него глубокой вѣрности своимъ принципамъ, требуетъ, чтобы онъ всего себя отдалъ интересамъ грядущаго общества, чтобы онъ не только мыслилъ новыми категоріями соціальнаго разумѣнія, но и занялъ опредѣленное мѣсто въ классовой борьбѣ, чтобы онъ цѣликомъ проникся требованіями демократической морали и сталъ ея

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Dresden vom 13. bis 20. September 1903. Berlin, 1903, S. 302—303.

открытымъ, сознательнымъ и смѣлымъ бойцомъ. Соціалъ-демократія напоминаетъ собою своего рода воинствующее духовное братство, всѣ члены котораго даютъ обѣтъ классовой борьбы и пролетарскаго единенія. Его сила не въ количествѣ членовъ, а въ силѣ ихъ убѣжденія и единствѣ цѣлей. Всякое возрастаніе его извнѣ только тогда ему полезно, когда оно сопровождается процессомъ объединенія внутри. И именно на этой почвѣ стоялъ Бебель, когда онъ потребовалъ немедленно же послѣ выборовъ производства тяжелой „операціи“ для устраненія изъ партіи всѣхъ нечистыхъ ея элементовъ, для мытья того „чернаго бѣлья“, котораго слишкомъ много накопилось, благодаря внѣшнему политическому успѣху.

Въ особенности много хлопотъ и затрудненій причиняютъ партіи тѣ постоянные перебѣжчики къ ней изъ буржуазнаго лагеря, какими являются такъ называемые „академики“. И въ самомъ дѣлѣ. „Академики“, интеллигентные или даже научно-образованные люди, являются для партіи положительной необходимостью. „Мы нуждаемся въ интеллигенціи академиковъ и интеллигентовъ, говорилъ на партейтагѣ Бебель. Имъ благопріятствовало счастье и обстоятельства, такъ же, какъ ихъ соціальное положеніе, чтобы принести къ намъ съ собою оружіе науки, которое даетъ имъ право быть выдающимися дѣятелями на пользу нашей партіи, если только они честно и искренно дѣйствуютъ съ нею въ согласіи“. Дѣйствительно для всякаго, кто хотя бы поверхностно знакомъ съ эрфуртской программой, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что практическій соціализмъ цѣликомъ стоитъ на почвѣ научнаго, и

что безъ постояннаго научно подготовленнаго персонала въ рядахъ партіи была бы фактически невозможна та громадная и агитаціонная, и публицистическая, и строго научная работа, которая поддерживаетъ ее на сравнительно очень высокомъ уровнѣ соціальныхъ знаній и даетъ ей возможность быть впереди всѣхъ и въ области соціальной реформы, и на полѣ битвы классовой борьбы. Однако, какъ говорилъ въ Дрезденѣ тотъ же Бебель, именно въ приливѣ къ партіи такихъ „академиковъ“ и „лежитъ съ другой стороны извѣстная опасность“. . . „Я радуюсь“, заявлялъ онъ, „всякому, кто приходитъ къ намъ отъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ . . . Что рабочіе являются соціалъ-демократами, это само собою разумѣется, удивительно только, что есть рабочіе, которые еще не соціалъ-демократы; но когда приходитъ къ нашей партіи изъ другихъ слоевъ общества человѣкъ, который долженъ былъ пережить для этого тяжелую внутреннюю борьбу, который долженъ былъ побѣдить глубоко вкоренившіеся предразсудки, который приходитъ въ столкновеніе со своей семьей, со своимъ бывшимъ общественнымъ кругомъ, то ему должно быть высоко засчитано въ заслугу, если онъ съумѣлъ преодолѣть всѣ эти препятствія“. „Однако . . . нѣкоторые изъ этихъ людей слишкомъ легко впадаютъ опять въ прежніе предразсудки, возвращаются къ воззрѣніямъ и пріемамъ борьбы стараго времени и оказываются такимъ образомъ товарищами, въ честности которыхъ я не сомнѣваюсь, но которые оказываются не въ силахъ исполнить на предоставляемомъ имъ мѣстѣ то, чего отъ нихъ ожидаютъ“. Впрочемъ, дѣло иногда обстоитъ еще

хуже. За крайнимъ недостаткомъ редакторовъ и сотрудниковъ для партійныхъ журналовъ, составителей летучихъ листковъ, ораторовъ на собраніяхъ, довѣренныхъ партіи и даже депутатовъ въ различныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, такіе приходящіе къ партіи „академики“ слишкомъ скоро занимаютъ въ партіи выдающіяся мѣста, получаютъ даже депутатскіе мандаты и, такимъ образомъ, начинаютъ играть роль духовныхъ вождей и опекуновъ партіи, что имъ порой совсѣмъ не пристало. Такъ появляются среди рабочихъ люди, которые, по удачному выраженію Бебеля, „слишкомъ скоро забываютъ то, чему они выучились въ качествѣ соціалъ-демократовъ“, начинаютъ „болѣе или менѣе вѣрить, что они именно прирожденные вожди пролетаріата“, что, наконецъ, „пролетаріи должны гордиться той честью, которую они имъ оказываютъ, если принимаютъ отъ нихъ мандатъ“. По отношенію къ такимъ академикамъ оказывается вполнѣ примѣнимымъ совѣтъ Бебеля при возростаніи численности и значенія партіи, съ особеннымъ вниманіемъ приглядываться ко всякому, кто къ ней приходитъ“, и быть „вдвое“ или „втрое“ осмотрительнѣе по отношенію къ „академикамъ“ и „интеллигентамъ“. Каутскій заходилъ въ этомъ отношеніи еще дальше и предлагалъ даже установить для приходящихъ къ партіи академиковъ время своего рода искуса или испытанія. Это конечно преувеличеніе, но Каутскій былъ вполнѣ правъ, говоря, что не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ встрѣчать сразу криками „осанна“ всякаго приходящаго къ соціалистамъ „доктора“, и не слѣдуетъ только потому давать имъ предпочтеніе передъ „старыми заслуженными товарищами“, что эти

послѣдніе „имѣютъ только одинъ недостатокъ, а именно — быть пролетаріями!“*)

Вполнѣ понятнымъ послѣ этого становится, вообще, тотъ „пересмотръ“ партійной морали, который является необходимымъ результатомъ вторженія новыхъ элементовъ въ партію и который провозглашенъ именно однимъ изъ такихъ „академиковъ“, отнюдь не желающихъ отдавать себя партіи „съ кожей и костями“. „Герои и толпа“ такъ можно бы безъ натяжки назвать очеркъ о „партійной морали“, помѣщенный Георгомъ Бернгардомъ въ журналѣ Максимиліана Гардена **), очеркъ, который впервые для соціалъ-демократіи ставитъ вопросъ о партіи и ея отношеніи къ массѣ, о презрѣнной черни партійнаго большинства и о томъ возвышенномъ меньшинствѣ вождей, которые, будучи чужды „филистерства“ толпы, придерживаются въ отличіе отъ нея стараго испытаннаго изреченія „о цѣли, освящающей средства“... „Массу“, говоритъ Бернгардъ, — обыкновенно отождествляютъ съ партіей. И однако же эти два слова обозначаютъ различныя вещи. Кто основываетъ партію, тотъ именно старается по возможности болѣе людей освободить изъ тупо за ней тончущейся массы. Отъ стада отдѣляются члены партіи. Они еще несутъ съ собой старыя жизненныя привычки, старые инстинкты стада, однако въ ихъ мозгу уже зажглась искорка, которая показываетъ имъ, быть можетъ, только въ отдаленіи цѣль, стоющую стремленія. Кто отличаетъ партію отъ

*) Protokoll des Parteitages 1903. S. 225, 255, 320, 174.
**) Georg Bernhard, Parteimoral, die „Zukunft“. 1903, № 15, стр. 79 и слѣд.

массы, тотъ не можетъ сказать подобно Гарту, что вождь партіи задыхается въ партійной каторгѣ ради массы, не сознавая въ себѣ уже ни своихъ ощущеній, ни своихъ мнѣній, вычеркивая половину своего существа въ пользу другихъ. Нѣтъ, онъ ничего не душитъ и ничего не вычеркиваетъ изъ своего существа". „Никакой мыслящій человѣкъ не продается партіи съ кожей и костями". „Онъ знаетъ, что приверженцы партіи только еще недавно выдѣлились изъ массы и несутъ еще на себѣ слѣды своего происхожденія; съ полнымъ сознаніемъ поэтому направляетъ онъ въ сообразности съ этимъ свою рѣчь и молчаніе. Вѣдь и незрѣлымъ дѣтямъ умалчиваютъ родители и учители кое о чемъ, рисуютъ кое-что, хотя-бы съ цѣлью упрощенія, нѣсколько иначе, чѣмъ они видятъ въ дѣйствительности — и никто не называетъ ихъ за это лгунами. Политическій педагогъ долженъ считаться съ тѣмъ, что большинство его партійнаго стада живетъ въ созданныхъ массовымъ воспріятіемъ представленіяхъ, въ состояніи дѣтства, и что безъ этой массы нельзя обойтись въ борьбѣ. Движущіе факторы исторіи — это силы, независимыя отъ человѣческой воли, и ихъ орудіемъ являются массы. Темныя влеченія принуждаютъ ихъ дѣлать то, что болѣе сознательному разуму предуказываетъ линія развитія. Въ эти волнующіяся массы падаютъ сѣмена идейнаго посѣва, бросаемыя отдѣльными индивидами. И только когда почва уже подготовлена и позволяетъ достигнутая ступень развитія, посѣвъ всходитъ, и масса принимаетъ отдѣльныхъ лицъ, какъ руководителей своей судьбы. Если эти условія не существуютъ, масса поглощаетъ индивида, котораго

она еще не можетъ понять. Только тамъ, гдѣ въ нѣдрахъ массы зародилась идея, можетъ возникать партія". Такъ рисуетъ Бернгардъ отношенія массы къ партіи и къ вождямъ, и вполнѣ естественно, что изъ такого пониманія этихъ отношеній необходимо выростаетъ для вождей обязательность іезуитской морали. Итакъ: „Цѣль освящаетъ средства. Я знаю, эту іезуитскую мораль отбрасываетъ отъ себя всякій человѣкъ, который хочетъ сохранить свою добрую репутацію. И однако, это слово имѣетъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческій міръ; и только съ этимъ міромъ оно погибнетъ. Гартъ порицаетъ, что вожди партій даютъ въ частномъ кругу объективныя рѣшенія относительно событій дня и мѣропріятій въ собственной партіи, а затѣмъ публично говорятъ совершенно иначе. Этотъ фактъ безусловно справедливъ. Но Гартъ заблуждается, когда онъ думаетъ, что это происходитъ ради массы: это происходитъ ради цѣли" . . . „Отдѣльныя положенія программы каждый считаетъ второстепенными, можетъ быть даже ложными. Однако, выше чѣмъ слово для него стоитъ духъ. И развѣ уже ложь подобное reservatio mentalis? Я думаю — нѣтъ. Я вижу, что друзья стоятъ въ битвѣ. Я вижу, также, они сдѣлали ошибку, и я порицаю ее. Но неужели я долженъ въ силу этого вносить смятеніе въ ихъ ряды, отнимать у нихъ радостную увѣренность? Одно мгновеніе я колеблюсь. Но я понимаю, что тогда вторгнется врагъ, и я еще дальше, чѣмъ прежде, буду отъ намѣченной цѣли: и такъ какъ я стремлюсь къ цѣли, то я долженъ идти впередъ, и не могу ни отстать, ни ослабить своихъ товарищей" . . . Итакъ, цѣль оправдываетъ сред-

ства и при помощи двойной игры вождей создается изъ „темной массы“, обуреваемой „тупыми“ инстинктами, партія. Но даже и послѣ того, какъ она создалась, вожди не должны нарушать мирныхъ ея заблужденій и благонамѣренныхъ самообольщеній. Разъ партія „создалась, то каждый принадлежащій къ ней индивидъ получилъ, благодаря этому, болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о своей жизненной задачѣ и цѣли: неужели же вожди должны разрушить это чувство счастья придирками и сомнѣніями и толкнуть обратно въ душное существованіе массъ тѣхъ людей, жизнь которыхъ только что начала получать содержаніе, — и все это только потому, что вожди не могутъ перенести чувства тяжести, ощущаемаго ихъ культурной душой, если они не всегда могутъ говорить полную правду и кое о чемъ должны умолчать? Вѣдь не только единицы пострадали бы отъ такихъ дѣйствій; нѣтъ, здѣсь была бы убита самая идея, которая, при помощи массы, могла бы стать живой дѣйствительностью.“ — Такъ одинъ изъ „товарищей“ соціалъ-демократіи „защищалъ“ ея мораль отъ нападеній противниковъ въ одномъ изъ наиболѣе враждебныхъ партіи журналовъ бюргерской лѣвой, и вполнѣ понятно, что подобная защита вызвала бурю негодованія и цѣлый рядъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ со стороны партіи по адресу тѣхъ „академиковъ“, которые идутъ къ ней ради положенія и карьеры и очень скоро забываютъ не только объ „отдѣльныхъ пунктахъ“ программы, но и о простой партійной порядочности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соціалъ-демократія преслѣдуетъ серьезныя воспитательныя цѣли.

„Я первый готовъ признать — говорилъ еще Лассаль — что никакое соціальное улучшеніе не стоило бы потраченнаго на него труда, если бы послѣ него — что къ счастью совершенно невозможно — рабочіе остались бы такими же, какими въ большинствѣ они являются въ настоящее время". Такое же просвѣтительное дѣйствіе соціалъ-демократіи признавалъ въ свое время и покойный Либкнехтъ, когда онъ не только провозгласилъ въ 1890 г. на партейтагѣ партію рабочихъ — „партіей научнаго соціализма", стоящей „на почвѣ науки", но и выставлялъ „первой" ея „обязанностью" „несеніе знаній въ народъ". „Въ знаніи сила", говорилъ этотъ замѣчательный „академикъ" партіи: „и если бы нѣмецкіе рабочіе не получили при помощи соціалъ-демократіи великаго количества знаній и свѣдѣній", то они „не могли бы выдержать борьбы противъ закона о соціалистахъ и духовно превозмочь своихъ враговъ". Сама программа партіи въ силу этого должна была „стоять на высотѣ науки", должна была быть проникнута „духомъ партіи, которая знаетъ, что она не по произволу и не благодаря случаю сдѣлалась тѣмъ, что она есть". И не только на „исторической необходимости" обосновывалъ старый Либкнехтъ свою партію. „Развѣ мы не обладаемъ тѣмъ, что составляетъ силу всякой религіи, т. е. вѣрой въ высочайшіе идеалы? — говорилъ онъ. Развѣ въ соціализмѣ нѣтъ высшей нравственности: безкорыстія, самоотверженія, любви къ ближнему? Когда мы при господствѣ закона о соціалистахъ приносили съ радостью величайшія жертвы, отдавали на разореніе свои семьи и теряли средства существованія, годами разлучались съ женами и

дѣтьми для того только, чтобы служить дѣлу, развѣ это не было тоже религіей . . . религіей человѣчества? Это была вѣра въ побѣду добра и идеи; непоколебимое убѣжденіе, твердая, какъ скала, вѣра въ то, что право побѣдитъ, а неправо обречено на погибель. И эта религія насъ никогда не покинетъ, такъ какъ она составляетъ съ соціализмомъ единое цѣлое". Когда однажды, во время обсужденія закона о соціалистахъ, депутатъ Бамбергеръ замѣтилъ въ рейхстагѣ, что „у соціалъ-демократовъ есть еще вѣра", то тотъ же Либкнехтъ отвѣтилъ ему полнымъ согласіемъ: „Да, у насъ есть еще вѣра — мы знаемъ, что мы покоримъ міръ!" *)

Таковы духовныя основы соціализма, и понятно послѣ этого, что во время борьбы въ рейхстагѣ противъ закона Гейнце, грозившаго во имя полиціи нравственности убить всякую науку, литературу и художество, именно соціалисты шли во главѣ оппозиціи и всѣми силами отстаивали эти высшія блага современной культуры отъ лицемѣрной опеки полицейской морали. Какъ тогда же писалъ проф. Дельбрюкъ: „блестящій походъ вела теперь соціалъ-демократія съ lex Heinze . . . Искусство, наука, образованіе въ Германіи должны были бѣжать подъ крыло соціалъ-демократіи . . . Мы дошли уже до того, что безъ этой партіи мы не можемъ болѣе обойтись". Только необходимымъ выводомъ изъ духовныхъ основъ соціализма становится то стремленіе современной общественной науки и молодой философіи, которое самый соціа-

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands zu Halle, Berlin, 1890; стр. 160, 205, 203.

листическій строй будущаго дѣлаетъ средствомъ для воплощенія высшихъ нравственныхъ цѣлей человѣчества. Такъ, Антонъ Менгеръ въ своемъ „новомъ государственномъ ученіи“ не что иное считаетъ „идеаломъ“ будущаго „народнаго государства рабочихъ“, какъ „совершенство мышленія, дѣйствія и воспріятія широкихъ народныхъ массъ, ихъ интеллектуальное, нравственное и эстетическое воспитаніе“ *). Такъ, молодой философъ Койгенъ въ выпущенной имъ книгѣ съ предисловіемъ Эд. Бернштейна только отъ соціализма ожидаетъ новаго возрожденія культуры, новой религіи „идеализма дѣйствительности“ и созданія новой истинно свободной личности „человѣка ренессанса“.**)

Высокія нравственныя задачи ставитъ себѣ соціалъ-демократія, великимъ идеализмомъ проникнуто ея поступательное движеніе; чрезвычайнаго напряженія силъ требуетъ она для воплощенія своего далекаго идеала. Но это — не извнѣ навязанныя ей цѣли и задачи; ея путь — не путь школьной учебы и пассивной дрессуры; ея силы не въ особыхъ свойствахъ поставленныхъ надъ нею „героевъ“, не въ мудрости „академиковъ“, не въ руководствѣ „сверхчеловѣковъ“. Нѣтъ, — сила соціалъ-демократіи не въ этомъ. И воистину, нельзя было менѣе понять ея нравственную сущность, нельзя было болѣе наивно и пошло дискредитировать ея строй и принципы, какъ это сдѣлалъ Бернгардъ со своей чисто бюргерской „партійной“ моралью. Глубоко правъ былъ вѣчно юный Бебель,

*) Anton Menger, Neue Staatslehre, Jena 1903, стр. 273.
**) David Koigen, Die Kulturanschauung des Sozialismus, Berlin, 1903, стр. 53, 55, 64—67, 80 и слѣд. 106 и слѣд. 117—123.

когда онъ заклеймилъ въ дрезденскомъ Тріанонѣ всю низменность подобныхъ разсужденій и, слѣдующимъ образомъ, резюмировалъ ихъ сущность: „этимъ вѣдь ясно сказано: масса — это жалкая чернь, — misera plebs римскихъ патриціевъ, это та масса, надъ которою при встрѣчѣ авгуры смѣются. Да, она достаточно хороша для работы, для агитаціи, для платежа пошлинъ, для голосованія, но въ остальномъ — она партійное стадо, она — дитя, которому нельзя всего сказать, что думаешь. А вожди партіи — это ницшеанскіе сверхъ-человѣки, мужи силы, которые все знаютъ, все видятъ и все проницаютъ, они земное провидѣніе товарищей по партіи, имъ принадлежитъ предводительство, такъ какъ масса не въ состояніи руководить сама собою“. Такое представленіе о соціалъ-демократіи — это прямо „издѣвательство“ надъ нею. „Кто у насъ хочетъ быть вождемъ“, говорилъ тотъ-же Бебель: „тотъ долженъ дѣйствовать не такъ, какъ онъ хочетъ, а какъ хочетъ партія. Онъ долженъ то выполнить, къ чему стремится масса, что она чувствуетъ и думаетъ. Вожди — орудія партіи, а не генералы и командиры, которые говорятъ: „мы идемъ впередъ, а вамъ остается только насъ слушаться“. Эту-же точку зрѣнія проводилъ маститый вождь народной партіи и въ другихъ своихъ рѣчахъ на партейтагѣ, когда онъ упрекалъ своихъ сотоварищей въ томъ, что они „потеряли соприкосновеніе съ душой партіи“. Именно тѣмъ, что самъ онъ до сихъ поръ „стоитъ въ полномъ согласіи съ массами, изъ которыхъ онъ вышелъ“, — объяснялъ Бебель свое положеніе въ партіи и не безъ справедливой гордости привелъ отзывы враговъ, которые гово-

рятъ: „Да, вотъ старый Бебель, съ которымъ ничего не подѣлаешь, — за нимъ стоятъ массы“!

Казалось бы, передъ нами вопіющее противорѣчіе: съ одной стороны, высокія, построенныя на почвѣ научнаго соціализма, цѣли, съ другой же — въ качествѣ ихъ носителей темныя рабочія массы; вожди, обязанные нести въ партію свѣтъ и просвѣщеніе, и полчища пролетаріевъ, которые контролируютъ ихъ не только парламентскую, но и чисто литературную, даже и научную дѣятельность. Съ одной стороны — потребность въ просвѣщеніи, съ другой власть просвѣщаемыхъ надъ просвѣтителями. Какъ примирить подобное противорѣчіе? — И невольно вспоминается цитированная на партейтагѣ ловкая и злая статья Гардена въ его „Будущемъ“ „О красныхъ примадоннахъ“, которая низводитъ всѣ высокія цѣли соціализма къ однимъ лишь агитаціоннымъ пріемамъ и разсказываетъ много всякихъ сплетенъ о вождяхъ партіи, о „красныхъ примадоннахъ“, объ ихъ соперничествѣ и закулисныхъ интригахъ, о „наемныхъ газетныхъ писакахъ соціалъ-демократіи“, которыхъ тамъ третируютъ на манеръ „кули“, наконецъ о томъ, что у „красныхъ примадоннъ есть кляка“, что „имъ тоже лгутъ объ успѣхѣ ревностно-хлопающія руки“ всякій разъ, какъ только „примадонны“ „покидаютъ подмостки“ . . .*) И въ самомъ дѣлѣ, если отвергнуть теорію Бернгарда, какъ совершенно неотвѣчающую строю соціалъ-демократической организаціи, то что-же остается тогда, какъ не демагогія среди невѣжественнаго и грубаго пролетаріата,

*) Die Zukunft vom 26. Nov. 1893. Цитирую по Protokoll des Parteitages. 1903, стр. 221.

какъ не та „диктатура клубныхъ ораторовъ и литераторовъ“, на которую указывалъ еще Бернштейнъ въ своихъ „Предпосылкахъ соціализма“. Взирая на пролетарскія массы съ высоты академическаго превосходства такъ называемой образованности, къ другимъ результатамъ и придти нельзя. Вполнѣ логично разсуждаетъ поэтому одинъ изъ новѣйшихъ „истребителей соціалистовъ“, нѣкто Вольфъ-Тюрингъ, когда онъ приходитъ къ самымъ ужасающимъ выводамъ если не на счетъ „красныхъ примадоннъ“, то по крайней мѣрѣ „красныхъ византійцевъ“.

Остановимся нѣсколько на выводахъ почтеннаго „истребителя“, такъ-какъ они безусловно характерны для отношеній извѣстной части нѣмецкаго общества къ соціализму и соціалистамъ. „Пролетарская партія“, говоритъ Вольфъ: „вотъ что составляетъ сущность и характеръ соціалъ-демократіи. Въ парламентѣ и въ прессѣ, въ тактикѣ и агитаціи, въ массѣ и вождяхъ, которые опять таки всегда съ удареніемъ именуютъ себя пролетаріями, вырисовывается соціалъ-демократія, какъ партія исключительно и чисто пролетарскаго характера, партія плебейства, необразованія и неотесанности, партія, которая обременена грубыми массами сырой физической мощи и силы, духовной и нравственной низменностью, даже, я могъ-бы сказать, всей грубой природой пролетаріата. Этотъ характеръ обозначаетъ собою сущность всей красной партіи, ея теорій и воззрѣній, говоритъ изъ устъ ея прессы и совершенно ясно и опредѣленно выступаетъ въ дѣятельности соціалъ-демократическихъ парламентаріевъ въ палатѣ народнаго представительства.“ Но если соціалъ-демократію можно

обозначить какъ партію пролетаріата, то, съ другой стороны, отличительными чертами пролетарія считаетъ Вольфъ-Тюрингъ „малую степень образованія“ и „неспособность къ высшей и болѣе самостоятельной, индивидуальной духовной дѣятельности“. Эти-же свойства превращаютъ соціалъ-демократію въ „партію демагогіи par excellence“ и пролетарскую массу дѣлаютъ „удобной игрушкой демагогической агитаціи“. Такимъ образомъ, именно „духовная низменность пролетарія обусловливаетъ демагогическую партійную агитацію партіи пролетаріата. Только при помощи демагогической поверхностной агитаціи, которая, будучи лишена всякаго высшаго духовнаго содержанія, обсуждаетъ и оцѣниваетъ вещи по ихъ кажущейся внѣшности и изъ этой внѣшности выбиваетъ для себя, безъ совѣсти и безъ оглядки, капиталецъ, — возможно заполучить пролетарія-рабочаго, которому, вслѣдствіе его духовной ограниченности, недоступно всякое высшее, духовное и политическое, воспитаніе“. „Духовная низменность массы, съ которою демагогія играетъ такую легкую и успѣшную игру, и которая обусловливаетъ и объясняетъ колоссальные успѣхи соціалъ-демократіи“, и есть то „свинское счастіе“, которымъ пользуется эта партія. Именно „агитаціей“ и „демагогіей“ объясняетъ далѣе Вольфъ-Тюрингъ всю дѣятельность партіи. „Демагогіей является вся агитація соціалъ-демократической партіи въ парламентѣ и прессѣ, въ словѣ и печати, въ выборномъ комитетѣ, въ народномъ собраніи и въ школѣ для образованія рабочихъ, несмотря на то, что соціалъ-демократія очень часто стремится облечься въ мантію научныхъ доказательствъ и

хвастаетъ своимъ научнымъ соціализмомъ". Демагогія соціалъ-демократовъ спекулируетъ на „самые первобытные инстинкты, на самый грубый эгоизмъ индивидуальныхъ интересовъ"; „совершенная и рафинированная демагогія" создаетъ партіи „обманчивый миражъ" „всяческой человѣческой справедливости", и „всякаго человѣческаго и духовнаго идеализма", демагогія создаетъ, наконецъ, „красный византизмъ", который является еще въ гораздо большей мѣрѣ „лишеннымъ всякаго достоинства и презрѣннымъ", чѣмъ византизмъ передъ князьями, такъ какъ онъ представляетъ собою „лижущее пятки пролетаріевъ" и „ползающее передъ ними на брюхѣ" пресмыканіе ради „выборнаго листика" . . . И, разъ ставши на почву „краснаго византизма", нашъ авторъ уже болѣе не даетъ никакой пощады ненавистной ему партіи; безъ малѣйшаго размышленія и оглядки тащитъ онъ подъ понятіе „краснаго византизма" буквально все, что характеризуетъ эту партію, какъ со стороны ея научнаго міросозерцанія, такъ и со стороны ея политической дѣятельности, все что составляетъ ея заслугу въ дѣлѣ соціальнаго законодательства или парламентской борьбы съ духовной и политической реакціей. Даже великую и благодѣтельную борьбу соціалъ-демократіи за новый тарифъ и таможенный договоръ съ Россіей понимаетъ Вольфъ-Тюрингъ только какъ „оргію парламентарнаго кулачества", ловко поставленную „комедію" для того, чтобы „получить одобреніе толпы", чтобы очаровать „наивнаго рабочаго" зрѣлищемъ понятной ему „кулачной пробы"*).

*) Theodor Wolf-Thüring. Rote Bysantiner! Berlin und Leipzig, 1903. Стр. 7—15, 28—29.

Всѣ эти и тому подобныя разсужденія поражаютъ прежде всего, конечно, удивительной элементарностью соціальныхъ и политическихъ представленій. Весь міръ, согласно этимъ представленіямъ, является въ видѣ какого-то заговора для глупаго человѣческаго стада, которое не хуже щедринскихъ барановъ даетъ себя безпрекословно стричь въ миѳическомъ Ташкентѣ всякому „добру-молодцу“, который обладаетъ апетитомъ гориллы, ловкостью прохвоста и безстыдствомъ прирожденнаго мѣднаго лба. Стригущіе и стригомые. Такова до крайности удобопонятная формула Вольфа-Тюринга, и внѣ ея онъ уже ничего не признаетъ.

Одно только заставляетъ его метать громы и молніи: стригущіе, на его взглядъ, въ настоящее время не имѣютъ надлежащей квалификаціи; стрижкой стали заниматься демагоги вмѣсто просвѣщенныхъ и образованныхъ пастырей, и у этихъ послѣднихъ отъ благонравнаго стада уже ничего не осталось; взбунтовались бараны, проникшись классовымъ принципомъ, отдаются прельщеніямъ, „красныхъ примадоннъ“ или „красныхъ византійцевъ“ и знать не желаютъ своихъ старыхъ господъ . . . Inde irae . . . Подобная точка зрѣнія у господъ Вольфовъ и Гарденовъ вполнѣ понятна. Привыкнувъ взирать на весь міръ съ „ташкентской“ точки зрѣнія и въ доброй вѣрѣ полагая, что дѣло общественнаго руководительства сводится къ крайне простой процедурѣ стрижки „невѣжественной черни“, „грубой необразованной массы“ или „чернаго народа“, они, естественно, приписываютъ „демагогамъ“ тѣ самыя функціи, которыя осуществлялись въ добрыя времена „Polizeistaat'a“ при помощи княжеской „Policey“ и раз-

личныхъ прирожденныхъ и благопріобрѣтенныхъ „Grundherrn“ былыми властителями человѣческаго стада. Входить въ разборъ такого міросозерцанія дѣло, конечно, совершенно безплодное; оно исходитъ изъ своего рода обожанія пастушескаго „жезла“ и желаетъ только передать его въ настоящія руки. Тутъ никакой аргументаціей не возьмешь.

Но что же такое современный пролетаріатъ? Представляетъ ли онъ собою дѣйствительно темную невѣжественную массу?

Есть ли онъ на самомъ дѣлѣ то стадо бараньихъ головъ, которыя слѣпо могутъ идти за вожаками и позволяютъ стричь себя въ пользу красныхъ „примадоннъ“ или „византійцевъ“?

Въ этомъ мы имѣемъ всѣ основанія сомнѣваться, и если въ прежнія времена можно было въ извѣстномъ смыслѣ подвести подъ названіе черни тѣ массы закрѣпощеннаго народа, которыя рождались и умирали въ страшной темнотѣ народнаго невѣжества, если и въ настоящее время въ болѣе отсталыхъ странахъ мы встрѣчаемся еще съ массовымъ бродяжествомъ и нищенствомъ, если даже въ такихъ международныхъ центрахъ, какъ Лондонъ или Берлинъ, скопляются еще массы городской ни къ чему и ни на что уже кромѣ преступленія не способной черни, — то менѣе всего кличка невѣжественной и дикой народной массы можетъ подойти, какъ названіе, къ тѣмъ милліонамъ пролетаріевъ, которые составляютъ въ настоящее время цѣлыя арміи промышленнаго труда и входятъ въ составъ политической организаціи соціалистовъ.

Нѣмецкій пролетарій-рабочій проходитъ хорошую школу. И прежде всего его воспитываетъ культурное и правовое государство. Нельзя за-

бывать, что современное государство въ своемъ отношеніи къ индивиду стоитъ на совершенно иной почвѣ, чѣмъ это было въ старомъ полицейскомъ государствѣ.

Прежнее государство въ просвѣщеніи и самодѣятельности массъ особенно не нуждалось. Оно сосредоточивало всю силу своего просвѣщенія на высшихъ классахъ общества, и отъ нихъ ожидало направленія и руководства государственной машиной. Ведя до крайности примитивное хозяйство, стоя на почвѣ натуральныхъ повинностей, довольствуясь малой производительностью крѣпостного труда, оно могло не только удовлетворяться крайне скромнымъ бюджетомъ страны, но даже предоставить значительную долю труда низшихъ классовъ тѣмъ высшимъ, которые стояли у кормила. Пассивныя, темныя, малодѣятельныя и малопроизводительныя массы „чернаго народа“ въ рукахъ просвѣщеннаго избраннаго меньшинства, — таковъ строй стараго крѣпостническаго государства, такова соціальная основа его экстенсивнаго хозяйства, его медленнаго и вялаго внутренняго хода. Не то въ современномъ культурномъ государствѣ. Здѣсь все — масса и движеніе. Здѣсь — громадные запросы національной политики, широкія культурныя задачи, колоссальныя денежныя средства и неустанная интенсивная работа многомилліонныхъ массъ сознательнаго и энергичнаго населенія. Новое государство потребовало и новыхъ условій хозяйства. Новое государство не могло удовлетвориться вялымъ крѣпостническимъ трудомъ. Оно поставило громадныя требованія каждому отдѣльному подданному и для удовлетворенія ихъ дало ему не только хозяйственную и политическую сво-

боду, но и просвѣщеніе. Самодѣятельность широкихъ народныхъ массъ стала лозунгомъ новаго времени. Государство оперлось непосредственно на массы, и отъ каждаго отдѣльнаго гражданина потребовало такого интенсивнаго труда, который можетъ быть результатомъ только высокаго сознанія, моральной силы и вышколенныхъ рукъ. И совершенно естественно, что рабочій-пролетарій такого государства менѣе всего можетъ быть приравненъ по своему умственному и нравственному уровню къ представителямъ убогой и темной дореформенной массы. Уже одно обязательное и всеобщее начальное обученіе создаетъ рѣзкую границу между ними. Всеобщая воинская повинность вводитъ молодого солдата въ кругъ политическихъ идей, развиваетъ въ немъ воинскія „добродѣтели“, пріучаетъ его къ массовымъ движеніямъ и дисциплинѣ. Общинная и муниципальная самодѣятельность пріобщаетъ его къ мѣстнымъ культурнымъ и административнымъ интересамъ, ставитъ его въ непосредственное соприкосновеніе съ публичноправовымъ укладомъ страны, воспитываетъ его въ принципахъ гражданскаго долга и закономѣрной отвѣтственности. Обязанности присяжнаго засѣдателя еще болѣе знакомятъ его съ правомъ и законностью, наконецъ, право избирать народныхъ представителей въ ландтагъ и рейхстагъ дѣлаетъ его полноправнымъ участникомъ въ рѣшеніи величайшихъ вопросовъ государственной мощи и величія, финансоваго благосостоянія, международнаго мира, культурнаго прогресса, просвѣтительной и религіозно-церковной политики. Голосъ пролетарія есть голосъ нѣмецкаго политически полноправнаго гражданина, котораго воспитываетъ го-

сударство въ началахъ самодѣятельности и свободы, отъ котораго оно требуетъ не только пассивнаго тягла, но и активнаго служенія, гражданскаго самоотверженія, энергичной и независимой работы на благо общее. Культурное и правовое государство воспитываетъ гражданина. Надо прежде всего отречься отъ всѣхъ современныхъ формъ благоустроеннаго политическаго быта, чтобы представить себѣ нѣмецкаго гражданина-пролетарія невѣжественнымъ и темнымъ индивидомъ, который составляетъ „свинское счастье“ соціалъ-демократіи и бѣгаетъ за „красными примадоннами“. И если лучшимъ средствомъ для развитія демагогіи является невѣжество и культурная отсталость массъ, то воистину лучшимъ средствомъ противъ нея является широкая самодѣятельность народа.

Однако, этимъ просвѣщеніе пролетарія, его нравственное и общественное воспитаніе далеко не оканчивается. То, чего не дѣлаетъ государство, то дѣлаетъ общество. Свободная конкурренція нѣмецкихъ религіозныхъ и церковныхъ соединеній заставляетъ ихъ чрезвычайно расширить дѣло такъ называемой внутренней миссіи, и религіозные споры, церковная пропаганда и полемика, проповѣдь свободно-религіознаго движенія, борьба противъ Рима — Los von Rom-Bewegung — все это невольно захватываетъ массы, проникаетъ въ самые отдаленные уголки народной жизни и снабжаетъ рядового пролетарія такими богословскими и церковно-историческими свѣдѣніями, которыя даютъ ему вполнѣ достаточное разумѣніе во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Дебаты соціалъ-демократіи на партейтагѣ въ Галлѣ, кажется, достаточно показываютъ, насколько здраво пролетарская масса сумѣла разо-

браться въ религіозно-политическомъ вопросѣ. Но не одна религія идетъ въ Германіи „въ народъ“. Свободное искусство и свободная наука не менѣе религіи стремятся войти въ народный обиходъ. И въ этомъ отношеніи нельзя не указать на отмѣченный Койгеномъ фактъ, что именно на настоящее время падаетъ все болѣе усиливающееся сближеніе между рабочимъ и духовнымъ пролетаріатомъ. Какъ говоритъ молодой философъ въ упомянутой выше книжкѣ, такое сближеніе разъ уже совершилось въ исторіи соціализма: „это были богатые солнцемъ, прекрасные дни для соціализма, которыми начиналась вторая половина 19-го вѣка. Наука и жизнь, носители духа и простого труда, казалось, заключили вѣчный союзъ. Интеллигенція и рабочій народъ приближались другъ къ другу, и завоеванія массъ были торжествуемы въ то же время какъ тріумфъ интеллигенціи. Началось непрерывное взаимодѣйствіе между пролетаріатомъ образованія и физическаго труда. На мѣсто слѣпыхъ и сильныхъ инстинктовъ массъ наступило ясное познаваніе, и ослабленное чистымъ интеллектуализомъ чувство жизни у „интеллигентовъ“ получало постоянно новыя силы изъ бьющаго ключа жизни работающаго народа“ . . . Однако, впослѣдствіи опять наступилъ періодъ односторонней дифференціаціи и тѣхъ, и другихъ; этотъ союзъ грозилъ погибнуть. По большей части такъ оно и произошло. Но въ настоящее время опять все созрѣло для новаго и плодотворнаго сближенія: „Душа современнаго пролетарія, которая не заражена ни одностороннимъ интеллектуализомъ, ни разъѣдающимъ скептицизмомъ, способна теперь сообразно обстоятельствамъ дать пролетаріату обра-

зованія новую пульсирующую кровь. Съ другой же стороны, и пролетаріатъ труда можетъ, благодаря соприкосновенію съ интеллигенціей, стряхнуть нѣкоторые мѣщанскіе идеалы и пріобрѣсти высшія точки зрѣнія, получить болѣе возвышенныя цѣли".*) Нужно отмѣтить, и на самомъ дѣлѣ подобный союзъ интеллигенціи и пролетаріата до сихъ поръ составляетъ одну изъ замѣчательныхъ сторонъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Еще при обсужденіи программы партіи старый Либкнехтъ указалъ на то, что на помощь къ рабочей партіи въ ея освободительной борьбѣ уже тогда приходили „благородно мыслящіе, просвѣщенные люди изъ числа, такъ называемыхъ, высшихъ классовъ"**), а партейтаги въ Ганноверѣ (1899 г.) и въ Любекѣ (1901 г.) еще болѣе закрѣпили связь между наукой и соціалъ-демократіей, благодаря дебатамъ о Бернштейнѣ и резолюціи, которой „безусловно признана необходимость самокритики для духовнаго развитія партіи".***) Даже „истребители соціалистовъ" вродѣ уже упомянутаго нами Вольфа, не могутъ не признавать, что „не только духовно низменная, хотя и великая численностью пролетарская масса присягаетъ у краснаго знамени соціализма", но что „онъ нашелъ доступъ и вліяніе, благодаря одуряющей силѣ своей чрезвычайно идеалистической внѣшней стороны, и въ круги образованныхъ, вплоть до ученыхъ коллегій нашихъ университетовъ и высшихъ школъ, среди которыхъ

*) Koigen, Die Kulturanschauung des Sozialismus, Berlin, 1903, стр. 111—112.

**) Protokoll des Parteitages 1890, стр. 160.

***) Protokoll des Parteitages 1901, стр. 99.

соціалъ-демократія насчитываетъ многочисленныхъ приверженцевъ“.*)

Но наиболѣе серіозное просвѣщеніе въ области соціальныхъ знаній даетъ пролетарію безспорно фабрика и большой городъ. Вся жизнь и работа здѣсь — это ежедневное практическое занятіе по соціальнымъ наукамъ, притомъ занятіе, которое имѣетъ всѣ шансы глубоко врѣзаться въ душу неофита и никогда уже не вывѣтриться изъ его памяти. Процессъ индустріальнаго капиталистическаго производства передъ нимъ на лицо. Онъ воочію видитъ, какъ трудъ наемнаго инженера создаетъ планъ, трудъ наемнаго управляющаго организуетъ производство по типу сложной кооперації, и какъ безконечный и неустанный трудъ безчисленныхъ рабочихъ создаетъ всевозможныя „прибавочныя стоимости“, въ то время, какъ немногіе акціонеры получаютъ дивиденды и спокойно рѣжутъ купоны. Онъ самъ на своихъ бокахъ испытываетъ всѣ прелести „анархіи производства“ и изучаетъ „теорію кризисовъ“, когда подъ вліяніемъ неизвѣстно какъ и откуда появившагося „перепроизводства“ сокращается число рабочихъ на фабрикѣ, понижается заработная плата, и сильный рабочій человѣкъ съ семьей и уже со сложившимися культурными потребностями вдругъ останавливается передъ страшнымъ призракомъ нищеты, лишеній, голода . . . За что? — является невольный хоть и безплодный вопросъ, и пролетарій по необходимости становится не только политико-экономомъ, но и соціалъ-политикомъ, примыкаетъ къ организаціи, требуетъ улучшенія условій труда,

*) Wolff, Rote Bysantiner, 1903, стр. 5.

участвуетъ въ стачкѣ и наглядно знакомится съ теоріей хозяйственной борьбы, которая требуетъ такъ много жертвъ и приноситъ порою такъ мало непосредственныхъ результатовъ. Впрочемъ, и область соціальнаго законодательства не можетъ быть чужда нашему пролетарію: онъ слишкомъ хорошо знакомится съ „гигіеной“ того или другого производства, слишкомъ часто убѣждается въ ужасающемъ вліяніи фабричнаго труда на свою жену и дѣтей, слишкомъ основательно изучилъ всю сладость безпризорной болѣзни и старости, чтобы не стать знатокомъ и этой области соціальныхъ знаній. И когда къ такому пролетарію приходитъ соціалистическій агитаторъ съ книжкой Маркса или Энгельса въ карманѣ, то по существу онъ не сообщаетъ рабочему ничего новаго; онъ только связываетъ отдѣльные эмпирическіе факты въ цѣльную картину; онъ ставитъ ее на мѣсто опредѣленнаго эпизода въ длинный рядъ историческаго развитія; онъ характеризуетъ этотъ процессъ, какъ процессъ возрастающей централизаціи капиталовъ и все увеличивающейся возможности нужды и гибели пролетарія; онъ указываетъ ему наконецъ на идеалы будущаго, зоветъ его на поле классовой борьбы и поднимаетъ такимъ образомъ его цѣли надъ узкими интересами его желудка до общихъ интересовъ всего пролетаріата, всей рабочей массы народа. . .

Такой пролетарій уже не пассивный атомъ слѣпой и невѣжественной массы, не безропотная и безсознательная единица въ стихійномъ движеніи хозяйственнаго процесса, но цѣлесознающій соціально просвѣщенный участникъ общественной борьбы, самодѣятельный и дисциплинированный

членъ великаго народнаго братства, которое имѣетъ своею окончательною цѣлью то самое „общее благо“, которое было провозглашено еще въ XVIII вѣкѣ гуманными пророками эпохи просвѣщенія. И нельзя забывать при этомъ, что вдобавокъ къ соціальному обученію фабрика даетъ и хорошее соціальное воспитаніе. Кто разъ уже вошелъ въ сомкнутые ряды рабочей арміи и съ нею продѣлалъ одну или двѣ кампаніи, тотъ смѣло можетъ похвалиться выдержкой и энергіей, силой характера и умѣньемъ подчинить свои частныя выгоды общему и высшему интересу. Нѣтъ никакого сомнѣнья, что каждая крупная стачка, совершенно безотносительно того, увѣнчивается ли она успѣхомъ или нѣтъ, всегда есть хорошая проба на силу характера, и тотъ, кто сумѣлъ устоять передъ всѣми соблазнами, предназначенными для перебѣжчика (Streikbrecher'a), сумѣлъ перенести и голодъ и лишенія близкихъ людей ради успѣха товарищей, кто, несмотря на свое, быть можетъ, совершенно противоположное мнѣніе, подчинился, однако, волѣ большинства товарищей, тотъ, конечно, не лишенная воли песчинка въ морѣ жалкой и презрѣнной черни, а нравственно сильный и соціально вышколенный „товарищъ“, который врядъ ли согласится на роль партійнаго „клакера“ или того щедринскаго барана, съ котораго каждый демагогъ-ташкентецъ можетъ содрать шкуру подъ прикрытіемъ звонкихъ и красивыхъ фразъ „о свободѣ, равенствѣ и братствѣ!“

Воспитанный современнымъ представительнымъ государствомъ пролетарій-гражданинъ, просвѣщенный свободнымъ общественнымъ словомъ пролетарій-интеллигентъ, вышколенный тяжелой

соціальной борьбой, охваченный классовымъ сознаніемъ пролетарій-рабочій — менѣе всего похожъ на большого ребенка Бернгардовской „морали“, и только развѣ іезуитски-законченной тактикѣ центра, съ стоящей позади его страшной силой вѣками сложившейся церкви, возможно обратить его въ послушную овечку римскаго пастыря. Такимъ складомъ нѣмецкаго пролетарія вполнѣ объясняется его отношеніе къ его вождямъ, яркіе и поучительные примѣры котораго были даны на дрезденскомъ партейтагѣ. Только въ соціалъ-демократическомъ собраніи могло произойти безъ всякихъ ощутительныхъ послѣдствій то основательнѣйшее потрясеніе „престижа“ и „авторитета“ вождей, которое выразилось въ рѣзкой до грубости критикѣ ихъ дѣйствій на пертейтагѣ, причемъ, отнюдь не одни только вожди критиковали другъ друга, но и простые „товарищи“, нисколько не стѣсняясь, говорили своимъ избранникамъ въ глаза горькую правду. И если Фольмаръ безъ всякихъ обиняковъ бросилъ въ глаза Бебелю упрекъ въ томъ, что онъ совершенно не умѣетъ обуздывать свой темпераментъ, сдерживать свою нервность и силу воображенія, что онъ подъ вліяніемъ увлеченія безъ разбора затрогиваетъ и оскорбляетъ честь товарищей и даже стремится якобы играть въ партіи роль „Кромвелля“ или вообще „диктатора“, сидящаго на „тронѣ партіи“, то не менѣе рѣзко защищался и сильно скомпрометированный своими сношеніями съ Гарденомъ Герэ, когда онъ бросилъ quasi-диктатору партіи свой открытый крикъ негодованія (ein Pfui!). Нѣтъ, не диктатура, не агитація, не демагогія создаетъ отношенія вождей къ товарищамъ въ рабочей партіи, а основанное

на открытой и публичной критикѣ взаимное довѣріе и служеніе общей цѣли. И никакой авторитетъ и никакія заслуги не могутъ заглушить въ соціалъ-демократіи ея сознательнаго и независимаго отношенія къ вождямъ. Они только первые между равными; въ случаѣ надобности, какъ сказалъ Бебель, имъ хорошо могутъ „намылить голову“ рабочіе, и никакимъ новымъ „академикамъ“ съ двойной моралью не удастся уничтожить суверенитета пролетарской массы въ партіи. Не невѣжественная и слѣпая толпа, а сознательный, самодѣятельный и „организованный“ пролетаріатъ составляетъ до сихъ поръ ея силу и мощь и царитъ въ ней при помощи своей широко развѣтвленной организаціи. Іезуитамъ и демагогамъ въ партіи не мѣсто*).

II.

При вѣсти о каждой новой побѣдѣ соціалъ-демократіи въ извѣстной части буржуазной печати постоянно слышатся голоса, которые предсказываютъ перерожденіе „красной партіи“ подъ вліяніемъ ея успѣховъ, „выцвѣтаніе“ или „линяніе“ (Mauserung) ея пролетарской окраски. И всемірно-историческій опытъ, казалось бы, дѣйствительно говоритъ за подобное предположеніе. Въ исторіи человѣчества, кажется, нѣтъ ни одной идеи, которая не выцвѣтала бы по мѣрѣ того, какъ ея принципы и идеалы воплощались на практикѣ. Въ началѣ — періодъ драматизма и мученичества.

*) Protokoll d. Parteitages 1903, стр. 333—335, 339.

Является какой-нибудь новый пророкъ и приноситъ съ собою новую истину; его, какъ это бываетъ со всѣми пророками, гонятъ и преслѣдуютъ, его послѣдователей распинаютъ и оскорбляютъ, его ученіе смѣшиваютъ съ грязью, приравниваютъ къ бреду безумнаго или сваливаютъ въ общее хранилище человѣческой глупости; но вотъ наступаетъ, благодаря упорству послѣдователей и перемѣнѣ соціальныхъ условій, полный переворотъ: вчерашняя глупость и заблужденіе становится всѣми признанной, неоспоримой, безусловной, единой спасительной, единственно истинной — истиной; повѣшенные, распятые, казненные и заточенные преступники вчерашняго дня — на завтра становятся руководителями и властителями, учителями и судьями, которыхъ единое слово заставляетъ трепетать и враговъ, и приверженцевъ, которыхъ власть не знаетъ никакихъ предѣловъ. Мало того, вчерашніе угнетаемые становятся на завтра угнетателями, и всякій, кто возстаетъ противъ великаго и всѣми признаннаго ученія, кто осмѣливается провозгласить какую-нибудь новую истину рядомъ съ только-что признанной, — платитъ мученичествомъ за свое дерзновеніе, а его учениковъ и послѣдователей вчерашніе мученики гонятъ въ тюрьмы и ссылку, подготовляя такимъ образомъ путь для будущей новой догмы и для новыхъ властителей человѣчества . . .

Власть и успѣхъ убиваютъ идею . . . Она становится достояніемъ массы . . . Она выцвѣтаетъ и опошляется . . . Она становится ходячей и стертой монетой текущей обыденности, входитъ въ компромиссъ съ наличными носителями силы и зачисляется въ пантеонъ признанныхъ божествъ

современности . . . Цѣною принципа покупается общественная мощь и сила . . . Стоитъ только отказаться отъ первоначальнаго противоположенія старыхъ боговъ и новой вѣры, стоитъ только отодвинуть самое осуществленіе идеала въ болѣе или менѣе отдаленное будущее и установить съ печальной дѣйствительностью дружеское сожитіе подъ новымъ блестящимъ и прекраснымъ знаменемъ — и дѣло сдѣлано: съ одной стороны, великая и новая истина восторжествовала, а съ другой — и наличныя отношенія соціальной мощи не только не проиграли, но въ новомъ блестящемъ и яркомъ идейномъ нарядѣ представляются еще лучше, прекраснѣе и спасительнѣе, чѣмъ прежде! Таковы судьбы истины, купившей путемъ компромисса признаніе и внѣшнюю власть, таковы результаты „линіи“ ея принциповъ и умноженія ея послѣдователей. Становясь сильнѣе извнѣ, она слабѣетъ внутри и выцвѣтаетъ подъ общій тонъ вѣчно торжествующей пошлости и насилія!

Выцвѣтетъ ли соціализмъ послѣ побѣды соціалъ-демократіи? Приспособится ли онъ къ тому буржуазному обществу, котораго онъ объявилъ себя принципіальнымъ противникомъ? Не пойдетъ ли онъ отнынѣ подъ однимъ ярмомъ съ капиталистическимъ обществомъ по пути его внѣшней и внутренней политики? Не поступится ли и онъ своей идеей, подобно многимъ своимъ предшественникамъ въ дѣлѣ спасенія міра, не падетъ ли и онъ жертвой всеобщаго процесса идейнаго выцвѣтанія и политическаго возрастанія?

Вотъ вопросы, которые были поставлены на рѣшеніе дрезденскаго партейтага. Внѣшній поводъ для ихъ обсужденія создалъ вопросъ о за-

мѣщеніи вице-президентуры рейхстага однимъ изъ членовъ фракціи.

Вице-президентскій вопросъ, какъ и многіе другіе непріятные и безпокойные вопросы, былъ поднятъ въ партіи злополучнымъ Эд. Бернштейномъ, этимъ enfant terrible нѣмецкихъ соціалистовъ. Основаніемъ для этого вопроса явилось установившееся съ нѣкотораго времени обыкновеніе парламента замѣщать посты президента и вице-президента рейхстага по возможности членами наиболѣе многочисленныхъ фракцій палаты.

Неугомонный „Эде“, который уже много надѣлалъ партіи хлопотъ своей сенсаціонной и не всегда основательной „ревизіей“ Маркса и марксизма, не утерпѣлъ и на этотъ разъ и рѣшилъ съ свойственной ему скоростью и доктринерскимъ радикализмомъ, что, благодаря выборнымъ побѣдамъ соціалъ-демократіи, насталъ удобный моментъ для „ревизіи“ ея парламентской тактики и захвата въ руки фракціи мѣста по крайней мѣрѣ одного вице-президента рейхстага. Увлеченный возможностью размѣнять на звонкую монету недавніе успѣхи партіи во время выборовъ, „Эде“ настолько плѣнился блескомъ грядущаго представительства „соци“, что не только не провѣрилъ хорошенько самаго обычая, на которомъ строилъ свои воздушные замки, не только позабылъ спросить у парламентскаго большинства о согласіи на президентство соціалистовъ, но предложилъ за чечевичную похлебку президентства пожертвовать такими традиціями партіи, что при данныхъ условіяхъ это граничило почти съ „измѣной“ партійному знамени.

Какъ прекрасно выяснилъ на партейтагѣ Молькенбуръ, весь вице-президентскій вопросъ

былъ построенъ на сплошномъ недоразумѣніи. Во первыхъ, оказалось совершенно невѣрнымъ предположеніе Бернштейна, будто бы замѣщеніе должностей президента и вице-президента рейхстага принадлежало всегда наиболѣе сильнымъ и многочисленнымъ фракціямъ парламента. Цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ Молькенбуръ опровергъ въ этомъ отношеніи „Эде“ и доказалъ, что „установившимся обычаемъ“ онъ призналъ то, „чего на самомъ дѣлѣ никогда не было“. Не менѣе основательно выяснилъ далѣе тотъ-же ораторъ, что фактически право той или другой партіи замѣщать должности президентовъ есть по-просту дѣло „милости большинства“, отъ котораго все и зависитъ. Рѣшать вопросъ о замѣщеніи президентуры, не спросивъ раньше по этому поводу мнѣнія другихъ партій, было поэтому весьма неосторожно. И дѣйствительно, какъ показало отношеніе къ этому вопросу бюргерской прессы, Молькенбуръ былъ совершенно правъ. Если при первыхъ Бернштейновскихъ заявленіяхъ насчетъ президентуры многія изъ партійныхъ изданій враждебнаго лагеря и хранили двусмысленное молчаніе, или отдѣлывались ничего не значущими перепечатками, то, какъ оказалось, это дѣлалось только затѣмъ, чтобы выяснить размѣры компромисса, на который пойдутъ „соци“ ради президентскаго мѣста, а затѣмъ — чтобы выбросить ихъ вмѣстѣ съ компромиссомъ и съ прибавкой къ нему еще издѣвательства — за дверь. Не менѣе ясно и доказательно выяснилъ наконецъ Молькенбуръ и всю сомнительную цѣнность такого пріобрѣтенія для партіи, какъ водвореніе на мѣсто одного изъ вице-президентовъ соціалъ-демократа. На примѣрахъ отказа

отъ должности президентовъ Форкенбека и Штауффенберга изъ національ-либераловъ въ 1879 г. и отказа центра отъ участія въ организаціи президентуры въ 1887 г. онъ фактически подтвердилъ, что каждая уважающая себя партія въ случаѣ принципіальнаго и рѣзкаго несогласія съ большинствомъ считаетъ ниже своего достоинства заставлять одного изъ своихъ членовъ постоянно возглашать о принятіи парламентомъ предложеній, направленныхъ противъ его единомышленниковъ*). Вопросъ о вице-президентурѣ является такимъ образомъ чисто вопросомъ обстоятельствъ, и при данныхъ условіяхъ его рѣшеніе съ точки зрѣнія простой цѣлесообразности и умѣстности не подлежитъ никакому сомнѣнію: стоящая въ крайней оппозиціи не только по отношенію къ данному режиму, но и вообще ко всѣмъ бюргерскимъ партіямъ группа, состоящая къ тому-же въ меньшинствѣ, сдѣлала бы величайшую глупость, еслибы приняла участіе въ образованіи президентуры, такъ-какъ при малѣйшемъ обостреніи отношеній, ея президентъ точно также долженъ былъ-бы уйти, какъ ушелъ при началѣ обструкціи соціалъ-демократъ Зингеръ съ почетнаго парламентскаго поста президента комитета старѣйшинъ (Seniorenkonvent). Особую пикантность вопросу о президентѣ придавало однако то обстоятельство, что и эти, въ высшей степени проблематичныя, выгоды замѣщенія президентскаго мѣста приходилось купить извѣстными уступками демократическаго принципа, такъ-какъ президентъ-соціалъ-демократъ въ силу установившихся формъ обычнаго представительства

*) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 404—407.

долженъ былъ-бы являться во дворецъ и принимать участіе въ тѣхъ или другихъ придворныхъ церемоніяхъ.

И хотя эти формы представительства и не предписаны ни конституціей, ни порядкомъ парламентскаго дѣлопроизводства, однако, онѣ являются тѣмъ не менѣе настолько закрѣпленными обычаемъ, что обойтись безъ нихъ совсѣмъ было бы прямо невозможно. Правда, какъ было выяснено на партейтагѣ тѣмъ-же Молькенбуромъ, партія и въ настоящее время не застрахована отъ того, что на основаніи § 68 парламентскаго дѣлопроизводства одинъ изъ соціалъ-демократовъ попадетъ въ число депутатовъ для поднесенія адреса императору, и потеря депутатскаго мандата въ силу отказа отъ исполненія этой обязанности представляется ничѣмъ не оправдываемымъ донъ-кихотствомъ, но во всякомъ случаѣ такія уступки могутъ только тогда имѣть смыслъ, когда онѣ сопровождаются достаточно важной и серьезной выгодой для партіи. На партейтагѣ это было выяснено совершенно опредѣленно. И если партейтагъ постановилъ тѣмъ не менѣе въ своей знаменитой резолюціи за номеромъ 130, что онъ требуетъ отъ своей фракціи, чтобы она заявила права на мѣсто перваго вице-президента и одного секретаря рейхстага, однако, съ отказомъ отъ всѣхъ „придворныхъ обязанностей“ и какихъ-бы то ни было „условій“, не предусмотрѣнныхъ въ конституціи, — то сдѣлала это изъ чисто агитаціонныхъ цѣлей, зная напередъ, что изъ этого ничего положительнаго не выйдетъ. Какъ очевидно, весь „президентскій вопросъ“ далеко не представляетъ изъ себя ничего важнаго и сущест-

веннаго, изъ-за чего стоило бы копья ломать. На этой точкѣ зрѣнія и стоялъ съ самаго начала центральный органъ партіи „Vorwärts“, утверждавшій, вопреки всѣмъ стараніямъ „радикальнаго“ или „революціоннаго“ крыла партіи, что вопросъ о замѣщеніи партіей должности вице-президента рейхстага есть вещь совершенно второстепенная.

Но не такъ отнесся къ этому вопросу старый левъ и „агитаторъ“ Бебель. Влюбленный со всѣмъ пыломъ юноши въ идею боевой соціалъ-демократіи, съ крайней ревностью слѣдящій за чистотой ея принципіальнаго выраженія, страстно ожидающій ея быстраго и скораго воплощенія въ прекрасномъ царствѣ будущаго, онъ не могъ не увидѣть въ возбужденіи вице-президентскаго вопроса симптома нравственнаго разложенія партіи, ея паденія передъ соблазномъ „буржуазной“ силы и мощи. Для Бебеля, для этой мечтательной головы и глубоко вѣрующаго сердца, который уже нѣсколько разъ даже назначалъ чуть-ли не день и часъ полнаго крушенія современнаго общества, президентскій вопросъ былъ только послѣдней, переполнившей чашу каплей; въ его глазахъ онъ являлся неопровержимымъ доказательствомъ, что въ партіи изсякъ огонь первоначальнаго одушевленія; что теоріи „ревизіониста“ Эде пустили глубокіе корни въ руководящихъ кругахъ партіи, а прежняя тактика рѣзкаго и огульнаго отрицанія всякаго участія въ дѣлахъ капиталистическаго общества смѣняется примирительнымъ „ревизіонистскимъ“ или „опортунистическимъ“ направленіемъ, которое далеко не прочь за соотвѣтственную компенсацію протянуть руку вчерашнимъ врагамъ черезъ всѣ пропасти классовыхъ противорѣчій и

классовой вражды. Впрочемъ, для того, чтобы воспользоваться президентскимъ вопросомъ и вырвать у партейтага по этому случаю торжественное исповѣданіе вѣры, у Бебеля было еще другое болѣе практическое основаніе. Въ парламентской фракціи соціалистовъ, благодаря ея постоянному росту, стало все труднѣе поддерживать старое единодушіе. Уже при числѣ членовъ фракціи въ 58 человѣкъ происходили въ ея средѣ серьозныя разногласія. Бебелю, стоявшему цѣликомъ на почвѣ старой тактики, не разъ приходилось остаться въ „меньшинствѣ“. При составѣ группы въ 81 человѣкъ совершенно естественны были для стараго вождя опасенія, что „большинство“ противъ него, благодаря приливу новыхъ членовъ, еще больше увеличится. Единственнымъ средствомъ для устраненія раздоровъ въ будущемъ было перенесеніе вопроса о тактикѣ на разсмотрѣніе партейтага, чтобы отъ него получить надлежащую „директиву“, руководящее указаніе для фракціи и такимъ образомъ въ извѣстной степени связать „ревизіонистовъ“ и сломить ихъ сопротивленіе. Какъ очевидно, и тутъ у Бебеля въ основѣ лежало нѣкоторое недовѣріе къ фракціи и опасеніе, что и она настолько заражена „ревизіонизмомъ“, что одному ему съ ней уже не справиться. Партейтагъ долженъ былъ такимъ образомъ и здѣсь спасти партію отъ заблужденій примирительной теоріи Бернштейна и направить ее въ принципіальное русло правовѣрія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что, возбуждая въ крайне рѣзкой и острой формѣ вопросъ о старой тактикѣ и ревизіонизмѣ, Бебель желалъ достичь еще иныхъ, въ извѣстной степени педагогическихъ, цѣлей:

торжественное исповѣданіе старыхъ и неизмѣнныхъ принциповъ радикальнаго соціализма должно было не только подѣйствовать освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ на самочувствіе партіи, не только поднять ея активность новымъ подтвержденіемъ ея громадныхъ соціальныхъ цѣлей, но и послужить для отдѣльныхъ ея членовъ своего рода напоминаніемъ о велікости принятыхъ ими на себя задачъ и о трудности неуклоннаго и непримиримаго стремленія къ разъ поставленной ими себѣ цѣли.

Ревизіонизмъ — таково названіе того страшнаго недуга, который по мнѣнію Бебеля все больше и больше разъѣдаетъ принципіальную основу партіи, уменьшаетъ остроту классовой борьбы и лишаетъ ее той идейной силы, которая увлекла за собой три милліона нѣмецкихъ гражданъ. Ревизіонизмъ — таково названіе этой болѣзни, которая стала неразлучнымъ спутникомъ внѣшняго роста партіи и ея политическихъ успѣховъ. Ревизіонизмъ — таково знамя всѣхъ, кто желаетъ ее свести съ старой испытанной позиціи и продать за блескъ и обаяніе оффиціальныхъ аттрибутовъ государственной силы . . .

Ревизіонизмъ! — но что-же онъ такое, въ чемъ его теоретическая и практическая основа, гдѣ разгадка его вліянія, въ чемъ, наконецъ, проявляются уже теперь слѣды его растлѣвающаго дѣйствія — вотъ вопросы, которые являются тѣмъ болѣе умѣстными въ устахъ каждаго посторонняго наблюдателя, что до сихъ поръ не наблюдалось въ нѣмецкой партіи ни признаковъ раскола или распаденія, ни формальнаго отреченія отъ старой программы, ни, наконецъ, такого измѣненія ея парламентской тактики или внѣпарламентской аги-

таціи, которые давали-бы право бросить въ лицо партіи тѣ упреки и обвиненія, которые были сдѣланы ей на партейтагѣ Бебелемъ.

Что такое ревизіонизмъ? — таковъ вопросъ, который мы себѣ должны поставить и отвѣтить на который мы заставимъ отдѣльныхъ ораторовъ партейтага, притомъ какъ самихъ „ревизіонистовъ“, такъ и „правовѣрныхъ“.

Ревизіонизмъ, по утвержденію Бебеля и Каутскаго, получилъ свое начало отъ Бернштейна, этого „мессіи“ новаго теченія. Бернштейна обвинили и на этотъ разъ, какъ обвиняли уже неоднократно, что именно его „ревизія“ марксизма является теоретическимъ обоснованіемъ практическаго ревизіонизма и привела къ построенію „новой тактики“. И хотя въ дѣйствительности отъ солидарности съ злополучнымъ Эде отреклись почти всѣ такъ называемые ревизіонисты, но Каутскій и на послѣднемъ партейтагѣ воспользовался возможностью сосчитаться въ качествѣ „папы марксизма“ съ закоренѣлымъ еретикомъ партіи и припомнить ему всѣ его старые грѣхи. Опять былъ извлеченъ на свѣтъ Божій символъ вѣры эрфуртской программы и произведено испытаніе Эде по всѣмъ правиламъ церковнаго суда . . . И Эде повинился; онъ призналъ за собою грѣхъ сомнѣнія въ истинности первыхъ пяти и части шестого пунктовъ программы и твердо держался своихъ лжеученій. Эде не исправился со временъ своего великаго „инквизиторія“. Такъ были установлены теоретическія основы ревизіонизма. Онѣ состоятъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „вездѣ въ передовыхъ странахъ видимъ мы, какъ классовая борьба принимаетъ все болѣе мягкія формы“, постоянно растетъ

даже между собственниками число тѣхъ людей, которые по весьма матеріальнымъ основаніямъ имѣютъ интересъ сохранять хорошія отношенія къ рабочимъ", такъ какъ чѣмъ больше растетъ классъ рабочихъ, тѣмъ больше становится значеніе рабочихъ, какъ потребителей; единства интересовъ всѣхъ собственниковъ въ ихъ противоположности къ неимущимъ не существуетъ: все больше растетъ „противоположность между приверженцами свободной торговли и запретительныхъ пошлинъ, между представителями городовъ и аграріями, въ средѣ бюргерскихъ партій"; „господствующіе слои" общества имѣютъ такимъ образомъ „различные интересы", и этимъ должна пользоваться въ борьбѣ за свои интересы рабочая партія; на примѣрѣ Англіи выясняется вся польза для рабочихъ отъ „соединенія ихъ съ радикальнымъ бюргерствомъ", такъ какъ тамъ только при помощи этого союза были завоеваны „реформы"; даже „колоніальной" политикѣ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сочувствовать „соціалъ-демократія", которая должна наконецъ отбросить ту „фразеологію", изъ которой она выросла, и стать тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, т. е. „демократически-соціалистической партіей реформы". Такъ создается примирительное теченіе, которое идетъ на встрѣчу буржуазнымъ партіямъ, сглушевываетъ дальнѣйшее обостреніе классовой противоположности и борьбы и откладываетъ время осуществленія соціалистическаго идеала на долгій срокъ, предоставляя его воплощеніе медленному эволюціонному процессу, ходу общегосударственной соціальной реформы. На этотъ именно путь сталъ по утвержденію Каутскаго фабіанизмъ въ Англіи и мильеранизмъ и

жоресизмъ во Франціи. Если въ Германіи это движеніе еще только въ начаткахъ и въ отличіе отъ французскаго и англійскаго не имѣетъ еще строго опредѣленной программы, а проявляется только практически, — то виною этому надо считать менѣе развитыя экономическія условія Германіи; сущность движенія однако и здѣсь, и тамъ совершенно одинакова*).

Такъ характеризовалъ Каутскій „ревизіонизмъ“ съ точки зрѣнія его соціальнаго обоснованія. Какъ очевидно — это все то же старое противоположеніе теоріи Каутскаго теоріи Бернштейна, или, другими словами, то же противоположеніе теоріи „катастрофы“ теоріи „эволюціи“. Къ этому моменту, однако, изобличители „ревизіонизма“ присоединили другой. Какъ видно изъ всей первой части рѣчи Бебеля „о тактикѣ“ партіи, онъ изо всѣхъ силъ старался опровергнуть вѣру въ силу парламентаризма, слишкомъ высокое мнѣніе о силѣ партіи и то увлеченіе законодательной дѣятельностью фракціи, которое особенно ярко выразилось въ резолюціи за № 100, выработанной соціалъ-демократами округа Тельтовъ-Шарлоттенбургъ. Вотъ эта резолюція цѣликомъ: „Выборная побѣда 16 іюня обязываетъ соціалъ-демократію къ болѣе напряженнымъ и болѣе глубокимъ стараніямъ, чтобы пріобрѣсти положительное вліяніе на судьбы нѣмецкой политики. Не только критикой властвующихъ классовъ и ихъ политики, не только отраженіемъ враждебныхъ народу нападеній реакціи, и не только простымъ улучшеніемъ предложеній правительства и вносимыхъ законопро-

*) Protokoll des Parteitages 1903, стр. 383—402.

ектовъ — исчерпываются наши задачи. Соціалъ-демократическая фракція рейхстага, благодаря довѣрію избирателей, сдѣлалась призванной законодательницей германскаго народа. Чѣмъ болѣе окаменѣваетъ бюрократическое правительство въ безплодной работѣ заштопыванія существующихъ прорѣхъ или въ дерзкихъ и безсмысленныхъ нападеніяхъ на происходящее среди пролетаріата необходимое историческое развитіе, — тѣмъ большей является обязанность соціалъ-демократической фракціи рейхстага сдѣлать плодотворной для дѣйствующаго законодательства неизмѣримую творческую силу демократическаго и соціалистическаго принципа. Такая дѣятельность достигаетъ тройкой цѣли: она производитъ полезныя и значительныя реформы, она вскрываетъ духовную ничтожность и ненавистную ограниченность заправилъ капиталистическихъ классовъ и ихъ властвующихъ агентовъ, наконецъ, она показываетъ тѣ границы и преграды, которыя дѣлаютъ невозможными рѣшительныя улучшенія среди существующаго строя и въ силу этого дѣйствуетъ просвѣтительнымъ образомъ и на пользу соціалъ-демократической программы . . . Для этой цѣли и въ то же время въ интересахъ усиленія парламентаризма должна быть уполномочена . . . фракція взять на себя разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ современнаго положенія въ видѣ разработанныхъ законопроектовъ. Къ отдѣльнымъ же законопроектамъ должно присоединить обширные мотивы и записки . . .“ Такъ гласитъ резолюція 100; и стоитъ упомянуть, что резолюція 113 (Эрба въ Гамбургѣ) предлагала даже учрежденіе особой законодательной коммиссіи при управленіи партіи,

чтобы еще болѣе усилить и развить парламентарную работу фракціи*).

Таково стремленіе перенести центръ тяжести соціальной борьбы въ предѣлы парламентской дѣятельности, къ которому Бебель отнесся весьма серьезно и самыми убѣдительными фактическими доводами старался разбить самообольщеніе своихъ товарищей и ихъ особыя надежды на „положительную“ работу. Въ этомъ отношеніи ему значительно помогъ рефератъ Штадтгагена о парламентарной дѣятельности фракціи, въ которомъ проводилась та мысль, что при настоящихъ условіяхъ эта дѣятельность далеко еще не можетъ достичь серьезнаго вліянія на законодательство, но должна по большей части ограничиваться чисто агитаціонными цѣлями; фракція оказывается еще слишкомъ слабою по сравненію со своими врагами. Третьимъ моментомъ, наконецъ, который особенно рѣзко выступилъ въ бебелевской характеристикѣ „ревизіонизма“, былъ моментъ практическій, который былъ резюмированъ имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ревизіонизмъ отличается прежде всего своей великой скромностью. Это даже его основной признакъ. Самомалѣйшей шалостью онъ уже доволенъ, только бы не надоѣсть, только бы не возбуждать, только бы не затронуть сочувствія массъ“ . . . „Только тихо! Тихо! Только, другъ, не шуми ни днемъ, ни въ ночи! Мы пошумимъ за закрытыми дверями, мы уже будемъ знать, какъ обернуть дѣльце, только бы не возбудить массъ, что могло бы разстроить наши выкладки!“ . . . „Чѣмъ скромнѣе мы будемъ, тѣмъ легче мы по-

*) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 129—130.

бѣдимъ“ . . . „Ахъ, не такъ скоро, не надо надоѣдать! И если не говорятъ при этомъ, то по крайней мѣрѣ думаютъ: массы еще не созрѣли!“ „О, эта мелочная точка зрѣнія, эта узость, эта трезвенность, это вѣчное успокаиваніе, откладываніе, политиканство, улаживаніе!“ „Естественно, что на сторонѣ нашихъ ревизіонистовъ весь государственный геній“ и „дипломатическая ловкость“; а тутъ къ нимъ присоединяются еще „хитрецы“, которые сначала все прислушиваются: „какъ то обстоятъ дѣла тамъ, какъ дѣла тутъ?“ „Они всегда разнюхиваютъ, гдѣ большинство, и тащутся съ нимъ. Этого сорта люди имѣются и въ нашей партіи“ . . „Этихъ товарищей должно изобличить“*).

И нужно отдать справедливость пылкому трибуну партіи; — онъ ихъ изобличилъ. Всей силой своего огненнаго слова пригвоздилъ онъ къ позорному столбу слабость ихъ убѣжденій, половинчатость тактики, вѣчное стремленіе купить компромиссомъ жалкія выгоды лицемѣрной тишины и мира, отречься отъ великаго будущаго ради сладенькаго настоящаго и добыть милость враговъ смиреніемъ и похвальной умѣренностью. Громадное впечатлѣніе, по словамъ присутствовавшихъ на партейтагѣ, произвели слова непримиримаго, горящаго неподдѣльнымъ негодованіемъ и „святымъ гнѣвомъ“ вождя. И никакъ нельзя отрицать, что для той партіи, гдѣ въ такой высокой степени духовное единство, вѣра въ торжество конечной цѣли и одушевленіе соціальной борьбы, слова Бебеля должны были имѣть громадное значеніе: они напомнили торжествующей партіи объ идеалѣ, они

*) Protokoll d. Parteitages 1903, стр. 318—320.

не дали ей успокоиться и остановиться на лаврахъ настоящаго, они были тѣмъ очищающимъ, хоть и жестокимъ, нравственнымъ ударомъ судьбы, который отгоняетъ отсталыхъ и слабыхъ, зоветъ въ битву побѣдителей и указываетъ имъ все новыя и новыя цѣли. Не даромъ назвалъ Бебель Мюнхенъ — Капуей соціалистовъ, тамъ именно, по его мнѣнію, слабѣетъ боевой духъ партіи, водворяется успокоеніе, царствуетъ оппортунизмъ. И именно противъ такой „Капуи“ изо всѣхъ силъ протестовалъ вѣчно юный Бебель на партейтагѣ, именно ее громилъ онъ своимъ могучимъ словомъ!

Признавая, однако, въ высшей степени плодотворнымъ такое очищеніе нравственной атмосферы партіи и укрѣпленіе въ ней боевого огня и стремленія, позволительно, однако, спросить, дѣйствительно ли такъ ужъ далеко зашелъ процессъ гніенія и порчи въ партіи, что необходимы самыя рѣшительныя мѣры для производства спасительной операціи, что нужно уже объявить отечество въ опасности, какъ это сдѣлалъ Бебель, и призвать консуловъ партіи для защиты ея „старой, испытанной, побѣдоносной тактики“ отъ нападенія злыхъ „оппортунистовъ“, „ревизіонистовъ“ и всякихъ другихъ „истовъ“? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гдѣ есть люди, тамъ есть и свойственныя имъ слабости; гдѣ борьба — тамъ и перебѣжчики и измѣнники; гдѣ единство — тамъ масса элементовъ розни и вражды. И если нѣмецкая соціалъ-демократія не желаетъ претендовать на непогрѣшимость всѣхъ своихъ членовъ и вождей, то она необходимо должна содержать въ своей средѣ и много „гнилыхъ элементовъ, много лицъ, которыя не по убѣжденію примкнули къ партіи, а изъ-за

корысти, которыя пришли къ ней не съ цѣлью ей служить, а съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ея возрастающей мощью для своихъ личныхъ и не всегда, быть можетъ, чистыхъ дѣлъ и дѣлишекъ. . . Humanum errare est. . . И не только заблуждаться, но и дѣлать нехорошія вещи, и притомъ не умышленно, а по свойственной человѣчеству слабости ...

Слабость, вотъ слово, которое воистину должно быть огненными буквами отмѣчено въ словарѣ человѣчества! Слабость, — она все объясняетъ, все оправдываетъ, все извиняетъ. Злыхъ и, притомъ, послѣдовательно, принципіально злыхъ очень мало. Такая злость имѣетъ свою логику. Она ненавидитъ человѣчество и презираетъ его. Она мститъ ему за его ничтожество и знаетъ, чего хочетъ. Она пользуется каждымъ случаемъ, чтобы прибавить еще каплю страданія къ тому океану человѣческаго горя, которое и такъ со всѣхъ сторонъ заливаетъ его. Но человѣконенавистничество есть своего рода сила. Оно знаетъ своихъ враговъ и борется съ ними. Оно примѣняетъ грубое насиліе тамъ, гдѣ увѣрено въ успѣхѣ; оно прибѣгаетъ къ клеветѣ и хитрости, гдѣ надо убить моральный авторитетъ или ореолъ идеи. Унизить, развратить, лишить воли и чести, обратить людей въ дикое и безсмысленное стадо, наложить на него клеймо своей корыстной воли и запречь его въ колесницу пошлыхъ истинктовъ и неустаннаго труда — таковы цѣли и стремленія истинной злобы принципіальнаго человѣконенавистничества! — Но не такова слабость. Она подкрадывается, какъ воръ, и нападаетъ съ тылу. Она предаетъ со слезами и съ сожалѣніемъ о своей жертвѣ. Она вся во власти обстоятельствъ

и носитъ обликъ тихаго, ласковаго и даже добраго существа. Но она никогда не знаетъ, что она сдѣлаетъ съ тѣмъ, кого заключаетъ въ свои объятія — зарѣжетъ ли она своего возлюбленнаго брата и друга, — ибо для нея всѣ друзья и нѣтъ различія между людьми, такъ какъ нѣтъ принципа и критерія для суда — или обольетъ его своей безконечной любовью. Одного только слабость не любитъ, — это гласности и шуму. Она скрывается въ тинѣ общественной жизни и не любитъ, чтобы ее безпокоили. Она не любитъ и безпокойныхъ: „Тишь да гладь, да Божья благодать“ — чего лучше. Въ тишинѣ ей спокойнѣе. Тамъ не замѣтны позорныя пятна подъ складками ея одѣянія; она можетъ даже прослыть за совсѣмъ приличное существо. Въ тишинѣ она покойно ткетъ свою паутину и потихоньку опошляетъ, укорачиваетъ и подрѣзаетъ все, къ чему прикасается. Такихъ людей вездѣ много. Должны быть они и среди нѣмецкихъ соціалистовъ. Но спрашивается теперь: неужели же именно этотъ элементъ получилъ такую силу и значеніе въ партіи, что необходимо проповѣдывать своего рода крестовый походъ для очищенія партіи? Неужели, наконецъ, всѣ указанныя нами „ревизіонистскія“ тенденціи настолько сродны позорной „слабости“ сравнительно добраго человѣка, что противъ нея стоитъ поднять стягъ безпощадной, хоть и спасительной борьбы“, наконецъ, правда-ли, что „ревизіонистскія тенденціи“ до такой степени захватили партію и грозятъ уже превратить ее въ ласковаго теленка, который съ одной стороны сосетъ народныя массы подъ предлогомъ ихъ спасенія, а съ другой питается и отъ всевозмож-

ныхъ компромиссовъ съ такъ называемыми властвующими и господствующими кругами?

Мы думаемъ — нѣтъ. Негодованіе и справедливый гнѣвъ противъ нѣкоторыхъ и немногихъ членовъ партіи увлекъ Бебеля слишкомъ далеко. Его „ревность о вѣрѣ“ заставила его слишкомъ мрачно взглянуть на будущее фракціи. Какъ справедливо было замѣчено на партейтагѣ, въ душѣ у новыхъ депутатовъ рейхстага еще никто не читалъ. Что же касается „новой“ и „старой“ тактики, то совершенно правильно по этому поводу замѣтилъ „Vorwärts“ въ своей руководящей статьѣ, что у партіи всегда была и есть только одна тактика. И это та тактика, которая слѣдуетъ за историческимъ развитіемъ партіи и всегда соотвѣтствовала и отношенію соціализма къ современному обществу, и положенію соціалъ-демократіи, какъ одной изъ партій представительнаго государства.

Развитіе началъ и формъ тактики соціалъ-демократіи, какъ это прекрасно выяснилъ сначала центральный органъ партіи, а потомъ на партейтагѣ и „некоронованный король Баваріи“ Фольмаръ, совершалось слѣдующимъ путемъ.

Пока партія была еще очень мала, и ея участіе въ законодательной дѣятельности страны не могло имѣть сколько-нибудь осязательнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ, возникалъ даже вопросъ о томъ, участвовать ли вообще въ выборахъ въ рейхстагъ. Какъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ выразился покойный Либкнехтъ, онъ считалъ вопросъ о томъ, участвовать или не участвовать „демократіи“ въ выборахъ, — вопросомъ цѣлесообразности, а не принципа, и стоялъ за то, чтобы

избранные партіей „депутаты вступили въ рейхстагъ съ протестомъ, и затѣмъ немедленно бы покинули его, не слагая, однако, при этомъ своего мандата“! „Съ этимъ взглядомъ“, говоритъ онъ, „я остался въ меньшинствѣ: было постановлено, что представители демократіи будутъ пользоваться каждой благопріятствующей имъ возможностью для того, чтобы осуществить въ рейхстагѣ свою отрицательную и протестующую точку отправленія и въ то же время будутъ держаться въ сторонѣ отъ всякихъ собственно парламентарныхъ работъ, такъ какъ это заключало бы въ себѣ признаніе сѣверогерманскаго союза и бисмарковской политики и могло бы только ввести народъ въ заблужденіе относительно того факта, что „борьба“ въ рейхстагѣ есть только кажущаяся борьба или „комедія“. Въ первой и второй сессіи рейхстага мы и держались этого правила. При обсужденіи однако, „промышленнаго устава“ . . . нѣкоторые изъ моихъ товарищей думали сдѣлать исключеніе изъ правила въ интересахъ рабочихъ и для цѣлей пропаганды. Я былъ противъ этого. Соціалъ-демократія не должна ни подъ какими условіями и ни въ какой области работать вмѣстѣ въ противниками, такъ какъ работать можно только тамъ, гдѣ есть общая основа. Работать вмѣстѣ со своими принципіальными врагами, это значитъ жертвовать своимъ принципомъ. Мельчайшая принципіальная уступка есть уничтоженіе принципа. Кто парламентствуетъ съ врагами, тотъ съ ними парламентируетъ, а кто парламентируетъ, тотъ договаривается“. Въ дѣйствительности, однако, силою вещей соціалъ-демократія не могла остановиться на такой „отрицательной и непримиримой,

а въ лучшемъ случаѣ только „агитаторской“ дѣятельности. Подобные же дебаты и споры пришлось пережить фракціи и въ 1884 году относительно участія представителей фракціи въ парламентскомъ комитетѣ старѣйшинъ (Seniorenkonvent); и здѣсь, несмотря на многочисленныя резолюціи и протесты со стороны многихъ „товарищей“, въ концѣ концовъ было признано, что комитетъ или конвентъ служитъ прекраснымъ источникомъ для ознакомленія съ ходомъ вещей въ рейхстагѣ, и потому участіе въ немъ стало обычаемъ*)!

Изъ внѣпарламентской дѣятельности партіи не менѣе заслуживаютъ вниманія тѣ споры, которые велись по поводу отношенія партіи къ промысловымъ союзамъ. И тутъ выставлялись доводы якобы принципіальнаго характера, провозглашалось, что эти союзы ни въ чемъ не соотвѣтствуютъ началамъ классовой борьбы, что они совершенно безполезны и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, если заглянуть на страницы протоколовъ кельнскаго партейтага 1892 г., то тамъ въ рефератѣ Легіена находятся весьма интересныя указанія на то, что экономическую борьбу въ свое время считали чуть-ли не „войной мышей и лягушекъ“, утверждали, что „экономическая борьба не приноситъ никакой пользы, пока рабочіе не достигли политической мощи“, что „экономическая борьба находитъ рабочихъ всегда глубоко разъединенными, и чѣмъ печальнѣе ихъ положеніе, тѣмъ глубже и рѣзче это разъединеніе“, что, наконецъ, хотя „партизанская война имѣетъ свои

*) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 326, 327, Vorwärts, 11. Sept. 1903.

преимущества, однако въ виду окончательной цѣли партіи она имѣетъ только подчиненное значеніе*). Такое же первоначальное недовѣріе къ промысловымъ союзамъ въ Германіи отмѣтилъ и Бебель на международномъ конгрессѣ въ 1890 г.**). Однако, и въ этомъ отношеніи тактика партіи претерпѣла самое существенное измѣненіе, и она стремится теперь къ тому, чтобы „вліяніе промысловыхъ союзовъ все болѣе возрастало“***).

Не менѣе поучительными для исторіи развитія тактики партіи являются далѣе тѣ споры, которые произошли въ самой фракціи, когда былъ возбужденъ вопросъ объ ея участіи въ дѣлѣ обсужденія законопроектовъ о страхованіи рабочихъ, о защитѣ труда; и въ этомъ случаѣ было указано на невозможность „отступить отъ основной точки зрѣнія и дать согласіе на эти законы . . . совершенно отречься отъ всей силы агитаціи и традиціоннаго положенія партіи“. Однако фракція не нашла возможнымъ согласиться съ этими мотивами и отказаться отъ обсужденія столь важныхъ и благодѣтельныхъ для рабочихъ законовъ. Но болѣе всего знаменательной для тактики партіи является отношеніе соціалъ-демократіи къ цѣлому ряду вопросовъ объ участіи членовъ партіи въ различныхъ выборахъ и выборныхъ учрежденіяхъ. Такъ, въ 1888 г. по поводу участія въ городскихъ выборахъ въ Берлинѣ была принята слѣдующая

---

*) Protokoll üb. die Verhandlungen der sozial-demokratischen Partei Deutschlands abgehalten zu Köln, 1893, стр. 184—185.

**) Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris, 1890, стр. 24.

***) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 328.

резолюція: „принимая во вниманіе, что при участіи въ общинныхъ выборахъ потеря интеллектуальныхъ и матеріальныхъ силъ не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи къ возможно большимъ его выгодамъ, въ дальнѣйшемъ убѣжденіи, что опытомъ уже въ достаточной степени доказано, что пріобрѣтеніе нѣсколькихъ мѣстъ въ собраніи городскихъ гласныхъ никоимъ образомъ не содѣйствовало прогрессивному развитію рабочей партіи, напротивъ того, партія развращается, благодаря все распространяющемуся карьеризму и крикамъ объ авторитетѣ, собраніе постановляетъ отклонить участіе въ городскихъ выборахъ“. Однако, эта резолюція оказалась также совершенно не оправдываемой обстоятельствами и исходящей изъ преувеличенныхъ опасеній нравственной порчи; вскорѣ послѣ этой резолюціи повсюду соціалъ-демократы приняли участіе въ городскихъ выборахъ и провели цѣлый рядъ своихъ гласныхъ въ муниципалитеты и общинные совѣты нѣмецкихъ городовъ. Не менѣе ожесточенные споры и дебаты возбудилъ далѣе вопросъ объ участіи въ выборахъ членовъ ландтага, въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ 1886 году была помѣщена самая энергичная статья противъ участія въ выборахъ въ газетѣ „Соціалъ-демократъ“, гдѣ между прочимъ говорилось: „мы никогда не должны быть союзниками другихъ партій въ борьбѣ, но сражаться только самостоятельно. Это было бы измѣной партіи даже въ томъ случаѣ, если бы враги имѣли наглость предложить намъ мандатъ. Мы никогда не должны быть обязаны мандатомъ нашимъ врагамъ, такъ какъ это будетъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на товарищей, ослабляющимъ

— на избранныхъ“. Подобныхъ же воззрѣній придерживалось большинство членовъ кельнскаго партейтага. И если тамъ Бебель выступилъ референтомъ для обоснованія воздержанія отъ участія въ выборахъ, то никто иной, какъ Либкнехтъ, замѣтилъ по этому поводу: „компромиссы это измѣна, которая жертвуетъ принципомъ. Должно отвергнуть всякое соглашеніе съ другой партіей, которое формально деморализировало бы нашихъ товарищей, какъ это неизбѣжно должно быть при участіи нашей партіи въ трехклассныхъ выборахъ въ прусскій ландтагъ“. Однако, когда выяснилась вся не только безполезность такого воздержанія отъ выборовъ для партіи, но даже прямой вредъ отъ этого, такъ какъ, по словамъ Ауэра на гамбургскомъ партейтагѣ, это воздержаніе „усилило трехклассную систему выборовъ, умножило вліяніе реакціи и устранило совершенно всякую борьбу противъ этой системы“, — то тогда-же было отмѣнено постановленіе кельнскаго партейтага. Въ 1898 году, согласно постановленіямъ штуттгартскаго партейтага, многіе округа Пруссіи съ достаточнымъ успѣхомъ участвовали въ выборахъ, а въ 1900 г. въ Майнцѣ Бебель уже передавалъ, согласно предложенной имъ резолюціи, что „въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ которыхъ существуетъ трехклассная система выборовъ, члены партіи были обязаны участвовать въ выборной агитаціи при ближайшихъ выборахъ“; для соглашеній однако съ отдѣльными „бюргерскими партіями“ должно было быть дано „разрѣшеніе“ отъ управленія партіи. Такъ завершился процессъ развитія тактическихъ формъ и пріемовъ партіи по отношенію къ прусскому ландтагу и его

системѣ*). То, что сначала было невозможно и принципіально не допустимо, то стало при измѣнившихся обстоятельствахъ дѣломъ насущной необходимости. Съ рѣшеніемъ этого-то критическаго вопроса, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по поводу тактики центральный органъ партіи, „разрѣшена послѣдняя важная тактическая проблема. Больше не представляется въ этой области никакой мыслимой проблемы для соціалъ-демократіи, такъ какъ вопросъ объ участіи ея въ какомъ-либо бюргерскомъ правительствѣ въ Германіи, вообще, не можетъ быть принятъ въ разсчетъ. Мы нашли полное единство принципіальной и практической политики. Мы научились пользоваться каждымъ преимуществомъ для пролетаріата безъ того, чтобы отдать за это хотя-бы іоту нашихъ требованій въ качествѣ покупной цѣны. Мы работаемъ во всѣхъ областяхъ, мы проникаемъ во всѣ учрежденія, однако мы не думаемъ о томъ, чтобы право первородства нашихъ демократическихъ и соціалистическихъ требованій размѣнять на временныя выгоды или пожертвовать имъ. Это и есть единая ясно сознанная тактика соціалъ-демократіи, которая не есть добрая старая, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ не нуждается болѣе и ни въ какой ревизіи“.

Какъ очевидно изъ историческаго развитія партійной тактики, всѣ предсказанія относительно ея „выцвѣтанія“ и „линянія“ оказываются ни на чемъ не основанными, также какъ и опасенія

*) Protokoll d. Parteit. zu Köln, 1893 г. стр. 253—266; Protokoll d. Parteit. zu Hamburg, стр. 172—173; Protokoll d. Parteit. zu Mainz 1900, стр. 212 и слѣд. Protokoll d. Parteit. zu Dresden 1903, стр. 332.

Бебеля насчетъ пагубнаго воздѣйствія „ревизіонизма“ и ужасовъ политическаго и нравственнаго разложенія партіи.

Тактика партіи является все время результатомъ взаимодѣйствія двухъ элементовъ, двухъ теченій въ партіи, и ихъ борьбы между собою.

Съ одной стороны, необходимо отмѣтить то теченіе, во главѣ котораго стоятъ Бебель и Зингеръ, Каутскій и Штатгагенъ, Гоффманъ и другіе по преимуществу прусскіе и саксонскіе товарищи. Это направленіе — радикальное, „революціонное“, ортодоксальное или непримиримое. Это направленіе, воспитанное специфическими условіями прусскаго и саксонскаго строя. И въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить болѣе уродливое и нелѣпое сочетаніе религіозной свободы и полицейскаго гнета, прогрессивнаго индустріализма и феодальнаго юнкерства, военной монархіи и классоваго представительства, — чѣмъ это имѣется въ этихъ двухъ государствахъ германскаго сѣвера. Эти государства воспитываютъ гражданина словно для того только, чтобы дать ему особенно рѣзко почувствовать цѣпи капиталистическаго крѣпостничества, и призываютъ его къ народному представительству и самоуправленію затѣмъ, чтобы передать его цѣликомъ на благоусмотрѣніе юнкерскаго и буржуазнаго меньшинства. И если само по себѣ то чрезвычайное развитіе капиталистическаго хозяйства, которое нашло себѣ мѣсто на сѣверѣ, уже достаточно тяжело ощущается рабочими во время кризисовъ и угнетенія рынка, то политическое, сознательное и преднамѣренное предпочтеніе экономически властвующихъ элементовъ въ государственномъ строѣ придаетъ здѣсь формамъ

экономической эксплуатаціи еще и тяжелый характеръ несправедливой привилегіи. Государство здѣсь словно само отдаетъ однихъ своихъ гражданъ на жертву другимъ, и ясное дѣло, что современный пролетарій - гражданинъ, пролетарій - интеллигентъ такіе порядки ощущаетъ на себѣ не только какъ одинъ изъ видовъ экономической эксплуатаціи или хозяйственнаго угнетенія, но и какъ оскорбленіе своей личности въ качествѣ гражданина, своего достоинства, какъ сознательнаго и разумнаго подданнаго, наконецъ, своихъ правъ, какъ нравственно незапятнаннаго и безупречнаго члена общества. Дѣло борьбы противъ такъ-называемыхъ бюргерскихъ партій и руководимаго ими классоваго государства становится такимъ образомъ для нѣмецкаго рабочаго-сѣверянина своего рода нравственнымъ долгомъ, требованіемъ возмущенной совѣсти, его оскорбленной чести. Самая борьба получаетъ въ извѣстной степени нравственный, безусловный характеръ. И не только цѣли борьбы получаютъ особое идеалистическое освященіе, но весьма легко зачисляются также и средства ея подъ вѣдѣніе и требованіе нравственнаго закона.

Отсюда и такъ называемый, „революціонный“ характеръ этого теченія. О „революціи“ въ собственномъ смыслѣ слова, здѣсь, конечно, нѣтъ и рѣчи. И Бебель столь же мало, какъ и его противникъ Фольмаръ, думаетъ о баррикадахъ и уличныхъ битвахъ въ настоящемъ, столь же мало предвидитъ ихъ необходимость даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Quasi-революціонный характеръ этого теченія идетъ не отсюда. Его радикализмъ основывается на совершенно иныхъ

основаніяхъ: дѣло въ томъ, что если въ хозяйственной жизни можно торговаться, а въ политикѣ самымъ удобнымъ способомъ борьбы является дипломатія и компромиссъ, опирающійся на дѣйствительную мощь и только въ крайности прибѣгающій къ насилію, то именно въ области нравственности принципіально нѣтъ и не можетъ быть компромиссовъ: здѣсь или нѣтъ принципа, или онъ весь, половины и четверти честности и нравственной безупречности быть не можетъ; или одно, или другое, принципы честности и нравственнаго долга недѣлимы, и всякая нравственность неминуемо уничтожается, какъ только на ней оказывается хоть малѣйшее пятнышко. Здѣсь закономъ является или все, или ничего. Ни на какіе компромиссы или сдѣлки съ подлостью нравственность идти не можетъ. И разъ вопросъ классовой борьбы получаетъ, какъ мы это видимъ на примѣрѣ нѣмцевъ-сѣверянъ, моральный характеръ и самые пріемы борьбы получаютъ значеніе нравственнаго принципа, понятнымъ отсюда является и „радикальный“, непримиримый или „революціонный“ характеръ ихъ тактики, ихъ неуступчивость требованіямъ, даже въ высшей степени необходимой и плодотворной для партіи цѣлесообразности. Для нихъ вопросъ о „катастрофѣ“ или „эволюціи“ не есть чисто академическій вопросъ, подлежащій разрѣшенію Каутскаго или Бернштейна, для нихъ это дѣло возмущеннаго нравственнаго чувства, которое не можетъ помириться съ эволюціей пошлости или съ уступками по адресу унижающихъ и оскорбляющихъ ихъ честь и достоинство партій или установленій. Пойти на компромиссъ съ безнравственнымъ —

значитъ самому замараться. Оказать хотя бы временную поддержку существующей несправедливости — значитъ самому ее поощрять и въ ней участвовать.

Такова точка зрѣнія радикальнаго крыла соціалъ-демократіи и основа ея радикализма. Какъ очевидно, она основывается не на разрушительныхъ тенденціяхъ или анархическихъ стремленіяхъ, а на преобладаніи нравственности надъ политикой въ соціальномъ движеніи, на господствѣ чувства, а не холоднаго государственнаго разсчета въ тактикѣ. Только съ большимъ трудомъ уступаютъ постепенно непримиримые свою позицію. И только возрастающая сила и мощь партіи дѣлаютъ для лѣваго крыла партіи возможными тѣ уступки, которыя требуются необходимостью. Нечего, конечно, и говорить, что это уступки въ средствахъ, а не въ цѣли, что движеніе ни на минуту не оставило своего идеала въ видѣ будущаго земного человѣческаго рая . . . Это разумѣется само собою.

Другое крыло партіи, къ которому принадлежатъ такъ называемые „ревизіонисты“, оппортунисты, дипломаты и т. п., имѣетъ своихъ главныхъ представителей въ лицѣ Ауэра, Фольмара, Вольфганга Гейне, Бернштейна, Кольба и др., и опирается, главнымъ образомъ, на южныхъ нѣмцевъ, на баварцевъ, вюртембергцевъ и баденцевъ, однимъ словомъ, на тѣ государства, гдѣ и природа мягче, и промышленное развитіе не дошло еще до такихъ грандіозныхъ формъ и судорожныхъ движеній, какъ на сѣверѣ, и правительства ведутъ изстари умѣренную и либеральную политику. На югѣ легче дышется. На югѣ сильно еще демократическое старое крестьянство, на югѣ не такъ

ощущаются промышленные кризисы и катастрофы, на югѣ рабочій не чувствуетъ себя такимъ угнетеннымъ и преслѣдуемымъ паріемъ, предъ нимъ нѣтъ сплоченнаго за юнкерской стѣной промышленнаго феодала, а условія политической жизни хоть и заставляютъ порою желать многаго, но отнюдь не носятъ такого рѣзкаго характера классоваго господства и односторонней эксплуатаціи, какъ это сразу бросается въ глаза каждому рабочему Берлина, или саксонскаго горнаго района. Хоть и неважно, но жить еще можно. Хоть сегодня плохо, да есть всегда надежда, что завтра станетъ лучше. Нѣтъ ни оскорбительнаго полицейскаго гнета, ни надменной опеки классовымъ образомъ организованной бюрократіи. И вправду потерпѣть еще можно . . . И вполнѣ естественно, что для южанина дѣло соціальной борьбы принимаетъ характеръ не нравственной принципіальности, а политической цѣлесообразности, что онъ безъ особенныхъ нравственныхъ страданій и колебаній идетъ на выгодный компромиссъ, разъ это только, дѣйствительно, обѣщаетъ ему соотвѣтственный выигрышъ, что, наконецъ, онъ склоненъ даже иногда и перемудрить по старому крестьянскому образцу и разыграть изъ себя того хитреца, „Ганса въ счастьѣ“, который такъ мѣтко характеризуетъ собою особенно южно-нѣмецкаго Михеля. Но нужно въ одномъ отношеніи и южно-нѣмецкому пролетарію отдать справедливость: конечной цѣли онъ также не уступитъ, какъ и его сѣверный радикальный товарищъ. Онъ, можетъ быть, склоненъ медленнѣе идти къ цѣли. Но цѣль у нихъ обоихъ безусловно одна и та же. Только онъ больше дипломатъ и политикъ. Онъ больше

любитъ не говорить, а дѣлать, не агитировать, а орудовать. Онъ также, какъ сѣверянинъ, вѣритъ въ идеалъ будущаго, но онъ не любитъ исповѣдывать свою вѣру. И если въ тяжелое время 48 года онъ гораздо болѣе бурно, отчаянно и продолжительно боролся за свободу, чѣмъ это было на сѣверѣ — стоитъ только вспомнить баденское усмиреніе — то теперь онъ чувствуетъ себя болѣе зрѣлымъ политически и медленно, но вѣрно идетъ къ своей цѣли. И эта тактика въ особенности хорошо помогаетъ къ тому же противъ романтически-взвинченнаго, но холодно-разсчетливаго центра . . .

Горящій нравственнымъ энтузіазмомъ Бебель и глубокій политическій тактикъ Фольмаръ; непримиримый Штадтгагенъ и насмѣшливый старый Ауэръ, правовѣрный и нетерпѣливый Каутскій и злополучный ревизіонистъ Эде; наконецъ, радикально настроенный, угнетаемый политически, но высоко развитый и сознательный рабочій сѣвера и чувствующій свою политическую силу, спокойный и увѣренный въ постепенномъ и неизбѣжномъ воплощеніи своихъ идеаловъ южанинъ — таковы наиболѣе рѣзкія противоположности въ средѣ рабочей нѣмецкой партіи, которыя придаютъ ея поступательному движенію характеръ живого морально-политическаго процесса и выражаютъ народное движеніе къ соціальной свободѣ въ формахъ постоянной борьбы не только за интересы и выгоды, но и за моральную незапятнанность, за нравственное соотвѣтствіе временныхъ средствъ постоянной и возвышенной цѣли.

И у тѣхъ, и у другихъ „товарищей“ цѣль безусловно одна. Это — водвореніе на землѣ

такого строя, въ которомъ не было бы болѣе ни „униженныхъ и оскорбленныхъ“, ни угнетенія, ни угнетателей. Но средства для этой цѣли вырабатываютъ они только по „общему согласію“, путемъ тяжелаго товарищескаго спора о „принципіальности“ и „компромиссахъ“, о соотвѣтствіи средствъ цѣли, о нравственномъ и общественномъ призваніи пролетаріата. Тактика вырабатывается путемъ борьбы двухъ направленій, но цѣли не выцвѣтаютъ. Когда же наступаетъ время борьбы противъ общаго врага, юнкерства или бюргерскихъ партій, всѣ идутъ общимъ строемъ „плечо къ плечу“, не различая болѣе ни „радикаловъ“, ни „ревизіонистовъ“.

III.

На дрезденскомъ партейтагѣ былъ разрѣшенъ кромѣ вопросовъ о тактикѣ и отношеніи къ вождямъ партіи еще одинъ вопросъ чрезвычайной важности — и это вопросъ о партійной морали. И при разрѣшеніи именно этого вопроса выяснилось съ особенной, неотразимой убѣдительностью, что соціалъ-демократія есть не только партія, но и цѣлый особый классъ или разрядъ людей, который и думаетъ и понимаетъ и чувствуетъ совершенно иначе, чѣмъ все такъ называемое современное, образованное, воспитанное, капиталистическое общество. На одномъ изъ частныхъ вопросовъ, на вопросѣ о сотрудничествѣ соціалъ-демократовъ въ бюргерской прессѣ, раскрылась при его обсужденіи такая нравственная пропасть между соціалъ-демократіей и остальнымъ обществомъ, кото-

рую сгладить были-бы не въ силахъ никакіе Мильераны или Жоресы, еслибы таковые даже и явились среди нѣмецкой соціалъ-демократіи.

И прежде всего поражаетъ съ бюргерской точки зрѣнія самая маловажность тѣхъ нравственныхъ проступковъ, которые послужили предметомъ ожесточенныхъ споровъ и страстныхъ преній въ Тріанонѣ, заняли у членовъ партейтага массу времени и силы и стоили солидныхъ средствъ, которыми было оплачено пребываніе членовъ съѣзда въ Дрезденѣ. Какъ извѣстно, все дѣло здѣсь загорѣлось изъ-за того, что нѣкоторые члены партіи работали въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ или даже редакторовъ по технической части въ такъ называемой безпартійной прессѣ. Изъ нихъ въ особенности были отмѣчены въ партійной прессѣ уже упомянутый нами выше Бернгардъ, затѣмъ Генрихъ Браунъ, его жена писательница Лили Браунъ, Гёрэ и Бертгольдъ. По адресу этихъ лицъ была напечатана Францемъ Мерингомъ инспирированная нѣкоторыми вождями партіи статья въ „Neue Zeit“ (№ 16, 1903), въ которой подъ заглавіемъ „Konzessionsschulze“ проводилась параллель между положеніемъ этихъ товарищей въ бюргерской прессѣ и — тѣхъ бюргерскихъ „Шульцовъ“ въ полкахъ, куда они попадаютъ фуксомъ въ видѣ неизбѣжнаго зла наряду съ высокородными и высокопробными „фонами“. Послѣ этой статьи въ 19 номерѣ того же журнала относительно „товарищей“, которые открыто выступаютъ въ качествѣ представителей и глашатаевъ партіи, уже проводилась Каутскимъ та мысль, что „если они работаютъ въ бюргерской прессѣ, то они и тамъ дѣлаютъ это въ качествѣ предста-

вителей соціалъ-демократіи, и для насъ (т. е. для партіи) никоимъ образомъ не можетъ быть безразличнымъ, какимъ цѣлямъ и какимъ силамъ они тамъ служатъ". Въ этой статьѣ упомянутыя лица были уже названы по фамиліямъ и къ нимъ былъ, если не ошибаемся, присоединенъ здѣсь и „ревизіонистъ" Вольфгангъ Гейне. Къ положеніямъ статьи Каутскаго вскорѣ примкнули и нѣкоторые другіе „партійные органы", а газета „Гамбургское Эхо" писала прямо: „мы по крайней мѣрѣ будемъ остерегаться дѣлать тайныя сообщенія относительно партіи тѣмъ людямъ, о которыхъ мы знаемъ, что они работаютъ для враждебной газеты. Мы того мнѣнія, что члены партіи не должны писать для бюргерскихъ политическихъ газетъ". Дальнѣйшее движеніе этому дѣлу было затѣмъ дано самими заинтересованными лицами, которыя и обратились въ управленіе партіи съ жалобой на Каутскаго и на редакцію „Neue Zeit", причемъ обвиняли ихъ въ „оскорбительномъ и противномъ истинѣ извращеніи" фактовъ. На эту первую жалобу отъ 13 февраля было отвѣчено партійнымъ правленіемъ 27 февраля, что въ подлежащихъ статьяхъ оно ничего заслуживающаго „порицанія или наставленія" не усматриваетъ, что-же касается „вопроса о томъ, насколько члены партіи управомочены сотрудничать во враждебныхъ газетахъ или находиться на службѣ у нихъ", то правленіе по этому вопросу оставляетъ рѣшеніе за собою, такъ-какъ здѣсь „идетъ дѣло о вопросѣ общаго значенія". Въ отвѣтъ на это супруги Браунъ, Гейне, Гёрэ и Бертгольдъ подали въ правленіе партіи вторичное заявленіе, въ которомъ обвиняли уже самихъ членовъ правленія, что они дѣйство-

вали на манеръ буржуазныхъ министерствъ не отвѣтивъ имъ по существу, и затѣмъ отрицали самымъ рѣшительнымъ образомъ, что-бы они могли дать „какой-нибудь поводъ“ къ возбужденію вопроса о сотрудничествѣ, по которому они объявляли себя „вольными имѣть свое собственное мнѣніе, какое имъ нравится“. На все это правленіе партіи отвѣтило не только признаніемъ жалобы шести на „Neue Zeit“ „безсодержательной“, но и полнымъ одобреніемъ тѣхъ принциповъ, которые были высказаны въ статьѣ Каутскаго. Съ другой-же стороны правленіе партіи считало своимъ долгомъ перенести вопросъ о „сотрудничествѣ“ на благоусмотрѣніе партейтага, которому въ резолюціи седьмой и были поставлены нижеслѣдующіе вопросы:

1) „Можно-ли считать согласнымъ съ интересами партіи, что члены партіи работаютъ въ качествѣ редакторовъ и сотрудниковъ въ бюргерскихъ предпріятіяхъ прессы, въ которыхъ соціалъ-демократическая партія подвергается ненавистнической и коварной критикѣ?“ — отвѣтъ предлагается на это — „нѣтъ“.

2) „Можетъ-ли членъ партіи быть редакторомъ или сотрудникомъ бюргерской газеты, къ которой упомянутое предположеніе не подходитъ“? — „Этотъ вопросъ слѣдуетъ постольку разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, поскольку членъ партіи здѣсь не будетъ принужденъ писать противъ соціалъ-демократической партіи или принимать участіе въ направленныхъ противъ нея нападеніяхъ“.

„Въ интересѣ партіи, однако, такъ же какъ и въ интересѣ занимающихъ подобныя мѣста членовъ партіи, чтобы имъ не были поручаемы

никакія довѣрительныя мѣста въ партіи, такъ-какъ рано или поздно эти члены должны будутъ войти въ конфликтъ съ собою и партіей“*).

Таковъ основной вопросъ, возникшій изъ журнальной полемики, который, несмотря на свою кажущуюся маловажность, отнялъ у членовъ партійнаго съѣзда массу дорогого времени и привелъ къ ожесточеннымъ спорамъ и самымъ рѣзкимъ столкновеніямъ. И если нѣкоторые члены съѣзда и характеризовали всю полемику по данному вопросу, какъ „грызню литераторовъ“ или даже „берлинскую лужу“, незаслуживающую того серьознаго вниманія, которое ей было удѣлено на партейтагѣ, то на самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ заключалъ въ себѣ въ высшей степени серьозныя стороны, и это такъ и было отмѣчено большинствомъ членовъ съѣзда.

И въ самомъ дѣлѣ. Уже въ упомянутой нами резолюціи (7) съ достаточной ясностью проведено то противоположеніе между соціалъ-демократіей и остальнымъ „бюргерскимъ“ обществомъ, которое обусловливаетъ собою особыя моральныя требованія для членовъ рабочей партіи. Всякое не соціалъ-демократическое изданіе здѣсь предполагается безусловно враждебнымъ партіи; всякое участіе въ этомъ изданіи соціалъ-демократа „рано или поздно“ должно привести его къ конфликту съ его убѣжденіями; на двѣ неравныя части дѣлится все населеніе страны согласно положенному въ основу седьмой резолюціи міровоззрѣнію — на соціалъ-демократовъ съ одной стороны и на все современное „буржуазное“ общество съ

*) Protokoll des Parteitages 1903, стр. 158—161, 117—118.

другой. Словно два непримиримыхъ военныхъ лагеря стоятъ они здѣсь другъ противъ друга, и въ своемъ отрицаніи плутократіи и частной собственности на орудія производства соціалъ-демократія безспорно выводитъ себя за предѣлы существующаго хозяйственнаго строя и является уже не одной только изъ общаго числа политическихъ партій въ государствѣ, но партіей по преимуществу, особой сектой, которая отвергаетъ общій для всѣхъ другихъ партій символъ соціальной вѣры и тѣмъ самымъ становится арміей „будущаго“, арміей, которая среди „бюргерскаго“ общества не знаетъ ни друзей, ни союзниковъ. Какъ прекрасно это выяснилъ Бебель въ Рейхстагѣ, гдѣ Дрезденскій партейтагъ сталъ предметомъ замѣчательныхъ дебатовъ: „Буржуазный міръ не есть еще вѣнецъ всякой мудрости, онъ еще далеко не конецъ, но развитіе его идетъ черезъ него. И совершенно также, какъ бюргерство уложило въ гробъ феодализмъ и феодальное государство, подобно этому исторической задачей современной буржуазіи является созданіе въ лицѣ современнаго пролетаріата своего собственнаго могильщика. Это — историческое долженствованіе, что бюргерство должно свое собственное развитіе провести черезъ себя самого, что оно развиваетъ современный пролетаріатъ, условія жизни котораго стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ современнымъ обществомъ, и который обладаетъ высшими идеалами. И я думаю, что мнѣ было-бы очень легко среди круга предковъ графа Бюлова найти человѣка, который въ свое время также полагалъ, что онъ долженъ смѣяться надъ буржуазнымъ міровоззрѣніемъ, какъ теперь графъ Бюловъ полагаетъ,

что онъ долженъ смѣяться или презрительно обращаться съ міромъ соціалистической мысли. Я вспомню здѣсь только о положеніяхъ Карлсбадскаго, Лайбахскаго и Ахенскихъ постановленій, которыя были направлены противъ революціоннаго движенія бюргерства и характеризовали его точно также, какъ это теперь происходитъ съ нами“... Такова рѣзкая ни чѣмъ не прикрытая противоположность двухъ враждебныхъ міровъ, и между ними уже не можетъ быть ни перемирія ни соглашенія. Подобно тому, какъ погибъ подъ напоромъ буржуазнаго общества феодализмъ, такъ должно погибнуть подъ ударами соціализма индивидуалистически-классовое господство современнаго бюргерства. Борьба здѣсь идетъ не на жизнь, а на смерть; борьба, безпощадная и непримиримая, здѣсь является опредѣляющимъ началомъ для самой организаціи партіи; боевымъ духомъ должна быть проникнута ея мораль и дисциплина.

И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Рейхсканцлеръ, графъ Бюловъ, не затруднился выдать въ Рейхстагѣ въ своей пресловутой рѣчи противъ соціалъ-демократіи лестный патентъ ея „дисциплинѣ, единству и самоотверженности“, съ которою она ведетъ борьбу противъ буржуазіи. Въ своей брошюрѣ противъ той-же партіи генералъ ф. Богуславскій называетъ ее „наилучше организованной, сильнѣйшей и наболѣе юной партіей“, „которая только когда-либо существовала въ Европѣ“; по его словамъ: „организація партіи прямо достойна удивленія. И оставляя даже въ сторонѣ выборную борьбу, организованныя ею собранія, правленіе партіи, ея чиновниковъ и вышколенныхъ агитаторовъ, ея невѣроятно распространенную

прессу — эта организація выступаетъ въ особенныхъ случаяхъ въ весьма рѣзкихъ формахъ. Такъ было напримѣръ при похоронахъ Либкнехта. Маршъ сотенъ тысячъ народа, втягиваніе отдѣльныхъ колоннъ въ главную колонну — были организованы такимъ образомъ, что сдѣлали-бы честь прусскому генеральному штабу. Къ этому еще присоединилась строжайшая дисциплина, которая была поддержана многочисленными распорядителями съ красной повязкой". . . Но не только дисциплинѣ во время движенія удивляется прусскій генералъ; не менѣе поражаетъ его и то, „какъ охотно уплачиваетъ работникъ подать съ своего тяжелымъ трудомъ добытаго заработка въ соціалъ-демократическую партійную кассу и доставляетъ ее еженедѣльно или каждыя двѣ недѣли въ руки уполномоченныхъ".*) Такъ аттестуетъ г. фонъ Богуславскій „дисциплину" среди нѣмецкой соціалъ-демократіи, и ужъ, конечно, такому знатоку дисциплины, какъ прусскій генералъ-лейтенантъ, состоящій къ тому-же на дѣйствительной службѣ, можно вѣрить — дисциплина у „соци" — образцовая.

Но что удивительнѣе всего, это то, что вся эта дисциплина держится безъ малѣйшаго признака внѣшней принудительной власти. И если почтенный генералъ для водворенія дисциплины въ подчиненныхъ ему войскахъ нуждается въ цѣлой гаммѣ всевозможныхъ наказаній, начиная съ простого ареста и кончая тюрьмой, то красная партія замѣняетъ силу тюрьмы силой идеи, а на личной вѣрѣ и общественной морали строитъ весь гран-

*) A. v. Boguslawski. Nicht Rede aber Fehde wider die Sozialdemokratie. Berlin 1904.

діозный порядокъ своей массовой организаціи. Понятна отсюда и вся важность личной нравственности и порядочности для самаго строя партіи. Понятно съ этой точки зрѣнія и то вниманіе, которое на дрезденскомъ партейтагѣ было посвящено вопросу о совмѣстимости съ партійною моралью сотрудничества въ бюргерской прессѣ.

Въ высшей степени неудаченъ былъ поэтому пріемъ Брауна и комп., который пытался прикрыть принципомъ свободы мнѣнія и разными соображеніями цѣлесообразности довольно таки предательское сотрудничество своихъ товарищей въ бюргерской прессѣ. Какъ совершенно вѣрно здѣсь отвѣтилъ Каутскій, въ данномъ случаѣ дѣло шло совершенно не о свободѣ мнѣнія, такъ-какъ никто по существу не касался вопроса о томъ, что именно должны или чего не должны писать соціалисты въ буржуазной печати, а только принципа „публичной опрятности", которая и ставитъ необходимо личную свободу въ извѣстныя границы. И отъ этого принципа боевой порядочности не могутъ освободить никакія соображенія цѣлесообразности. И въ особенности совершенно невѣрно представленіе Брауна о томъ, что существуетъ якобы „безпартійная" пресса, которая предоставляетъ свою трибуну въ распоряженіе всякаго желающаго, даже соціалъ-демократа, и этимъ самымъ доставляетъ ему возможность проповѣдывать соціалистическія ученія среди буржуазной публики. „Я поражаюсь", говорилъ Каутскій, „что есть еще товарищи, которымъ должно еще раскрывать мошенничество съ такъ называемой безпартійной прессой, и что именно такіе понатертые люди, какъ Браунъ и Бернгардъ,

являются такими дѣтьми и позволяютъ ослѣпить себя идеей безпартійной прессы. Безпартійной прессы вообще не существуетъ. Въ настоящее время, когда такъ велики политическія противоположности, каждый долженъ принимать ту или другую сторону. Безпартійная пресса есть пресса лишенная характера или политическое лицемѣріе. Пресса, которая отлично примыкаетъ къ партіи, однако дѣлаетъ это не открыто, но только желаетъ подъ прикрытіемъ безпартійности поймать на свою удочку тѣхъ неразумныхъ, которыми однако являются далеко не всѣ. И вотъ Браунъ думаетъ, что эти статьи дѣйствуютъ въ цѣляхъ пропаганды. Какъ дѣйствуетъ статья, зависитъ однако не отъ нея только одной, но и отъ той среды, въ которой она появляется. Согласно Брауну отравленное пирожное, въ которомъ торчитъ пара соціалистическихъ изюминъ, въ силу этого становится сей-часъ-же здоровой и вкусной пищей; онъ утѣшается при этомъ тѣмъ, что изюмины не разрѣзаются ножемъ редактора. Посмотрите хоть разъ на эти пропагандистическія статьи поближе. Тотъ, кто раньше еще не зналъ о томъ, что такое соціалъ-демократія, уже навѣрное не узнаетъ этого изъ этихъ статей. Къ кому обращается „Будущее“ — журналъ, гдѣ статьи были напечатаны? — къ буржуазіи, а это чрезвычайно трудно — воздѣйствовать на буржуазію. И далеко не всегда злая воля виновна въ томъ, что насъ тамъ не понимаютъ; очень часто виновна въ этомъ просто неспособность вдуматься въ наши представленія. Для буржуазныхъ мозговъ требуется невѣроятнаго напряженія, чтобы найтись среди путей соціалистической мысли. И это не можетъ быть дости-

гнуто благодаря одной статьѣ. На пролетарія можно подѣйствовать при помощи одной такой статьи, такъ-какъ въ немъ разбужено классовое сознаніе; но даже у пролетарія нужно для этого непосредственное воспитаніе въ мастерской. И вотъ теперь долженъ буржуа, который противостоитъ намъ безъ всякаго пониманія, сразу быть введенъ въ наше міросозерцаніе при помощи одной только статьи! Изъ бюргерскихъ круговъ могутъ быть получены соціалисты только благодаря систематической работѣ, при помощи научныхъ трудовъ, твореній Маркса, Энгельса, Лассаля и т. п., но никакъ не при помощи отдѣльныхъ статей, въ особенности-же не при помощи поверхностныхъ статей, какія только и принимаетъ Гарденъ для своей „Zukunft“. Никакой пользы поэтому я не могу себѣ обѣщать отъ подобныхъ работъ. Вредъ-же, который онѣ причиняютъ, очень великъ, разъ при этомъ теряется воспріятіе къ достоинству партіи . . .“*)

Еще болѣе рѣзко и ярко характеризовала буржуазно-безпартійную прессу Клара Цеткинъ. „„Будущее“ господина Гардена,“ сказала она, „по отношенію къ своей тенденціи, своему характеру стоитъ нисколько не выше, чѣмъ „Woche“ или „Lokal-Anzeiger“, оно точно также безпартійно, т. е. лишено характера и является посвященнымъ гешефту предпріятіемъ, какъ и тѣ газеты. Мы должны оцѣнивать органы этой такъ называемой безпартійной прессы подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, на который уже въ свое время указалъ Лассаль, когда онъ сказалъ, что это — для буржуа ма-

*) Protokoll des Parteitages 1903, стр. 175—176.

шинки для выдѣлыванія денегъ. Онъ говорилъ: „если кто хочетъ заработать деньгу, то пусть онъ фабрикуетъ ситецъ или сукна или играетъ на биржѣ. Но ради презрѣнной выгоды отравлять всѣ источники народнаго духа, разсѣивать ежедневно изъ тысячъ трубъ духовную смерть народу — это высочайшее преступленіе, которое я только могу представить.“ Лассаль этимъ указалъ также и на другую сторону этой безпартійной печати. Въ столѣтіе Дарвина уже невозможно сохранять массы рабовъ капитала, угнетаемыхъ и безнаслѣдныхъ, въ духовномъ одуреніи при помощи только слова священника въ церкви. Лишенная партіи пресса есть переведенное на мірской языкъ соотвѣтственное дополненіе церкви. Она обязана удовлетворить совершенно той-же задачѣ на службѣ буржуазіи, какъ и церковь, а именно отравить классовое сознаніе работающаго народа. И, будучи разсматриваема подъ этимъ угломъ зрѣнія, эта пресса гораздо опаснѣе для нашихъ стремленій, чѣмъ пресса опредѣленныхъ враждебныхъ и партійныхъ направленій. Противъ тѣхъ изворотовъ мысли, которые желаетъ провести духовный въ рясѣ, массы могутъ быть очень легко защищены. Духовный стоитъ на опредѣленномъ мѣстѣ и носитъ вмѣстѣ съ тѣмъ мундиръ своей должности. Но безпартійная пресса проникаетъ въ кругъ рабочихъ подъ ложною маскою друга. Мы разъясняемъ это, вся наша партійная пресса объявляетъ постоянно одной изъ нашихъ важнѣйшихъ задачъ изъятіе бюргерской прессы всякаго оттѣнка, въ особенности-же внѣпартійной изъ всякаго пріюта для рабочаго. Мы считаемъ поношеніемъ для отдѣльнаго товарища, если онъ своимъ абонимен-

томъ поддерживаетъ эту прессу. Неужели-же мы можемъ присвоить нашимъ пишущимъ товарищамъ исключительное положеніе, чтобы они дѣлали своимъ сотрудничествомъ безпартійную прессу интересной и пикантной и способствовали контрабандному водворенію ея туда, куда безъ сотрудничества товарищей она не могла-бы проникнуть . .“*)

И на эту-же точку зрѣнія сталъ не только Ад. Гофманъ, но и маститый вождь партіи, Бебель. Приведя всю исторію созданія Гарденскаго журнала, онъ пришелъ къ убѣжденію, что не желаніе „создать новую, до тѣхъ поръ отсутствовавшую трибуну для оппозиціи, для соціалъ-демократіи или свободнаго мнѣнія Германіи“, „нѣтъ, это начинаніе было ничѣмъ инымъ, какъ спекуляціей на совершенно пошлую потребность сенсаціи извѣстнаго круга читателей“. Гарденъ „желалъ добывать деньги изъ предпріятія и, такъ-какъ онъ безспорно человѣкъ ловкій, который умѣетъ устроить дѣльцо изъ ничего . . .“, то онъ „передъ основаніемъ „Zukunft“ обратился ко всякой всячинѣ (Krethi und Plethi) . . ко всѣму міру отъ Крестовой газеты до Vorwärts'a, и всѣхъ вызывалъ оказывать „Zukunft“ услуги сотрудничества. И это совершенно понятно, такъ-какъ всегда можно было сказать публикѣ: „Я, Максимиліанъ Витковскій-Гарденъ, крысоловъ изъ Гамельна, уловилъ ихъ всѣхъ, тамъ маршируютъ они позади меня изо всѣхъ партій, великій хвостъ сотрудниковъ . . “; такъ присоединился здѣсь къ различнымъ соціалъ-демократамъ и Бисмаркъ въ качествѣ сотрудника . . такъ родился „Zukunft“ и, товарищи, въ дѣйствн-

*) Protokoll des Parteitages 1903, стр. 180—181.

тельности надо обладать великимъ недостаткомъ чувства такта и также чувства партійнаго товарищества, чтобы нашъ товарищъ далъ уловить себя этому Гардену, прошлое котораго равняется прошлому извѣстныхъ дамъ, чтобы сзади этого гамельнскаго крысолова затесаться въ великій хвостъ его сотрудниковъ!“ Даже сотрудничество въ „Berliner Morgenpost“ считалъ Бебель непозволительнымъ уже на томъ основаніи, что эта газета, обходя по возможности „все, что только касается соціалъ-демократіи“, съ другой стороны пишетъ „радикально“, дѣлаетъ „соціальную реформу, насколько это выноситъ капитализмъ“ и такимъ образомъ составляетъ мощную конкурренцію „Vorwärts'у“. „Если-бы эта газета не существовала, то изъ 200 000 абонентовъ „Berliner Morgenpost“ большая часть абонировалась-бы на „Vorwärts“.*)

Но не только такую опасную конкурренцію составляетъ безпартійная пресса органамъ партіи, не только она развращаетъ массы своимъ политическимъ цинизмомъ, она принимаетъ неизбѣжно враждебное положеніе по отношенію къ партіи рабочихъ и тѣмъ время отъ времени выдаетъ и свое истинное якобы внѣпартійное направленіе.

Въ особенности поучительна въ этомъ отношеніи исторія Гардена и его „Zukunft“, въ которомъ до партейтага сотрудничали соціалъ-демократы изъ числа 6-ти. Въ 1892 г. Гарденъ приглашалъ у себя сотрудничать Энгельса, Либкнехта и Бебеля, а уже въ концѣ 1892 г. и въ 1893 г. онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ двѣ статьи, въ которыхъ позорилъ соціалъ-демократію то въ

*) Protokoll des Parteitags 1903, S. 213—215.

видѣ маскарадно-шутовскаго сборища („Das Sechelăuten"), то въ качествѣ клаки красныхъ примадоннъ („Die roten Primadonnen"). Эти факты, указанные на партейтагѣ Бебелемъ, получили еще прекрасное подтвержденіе въ указаніяхъ Каутскаго и рѣчи Цеткинъ. Въ 1893 г. въ „Zukunft" была помѣщена цѣлая статья проф. Іоста подъ заглавіемъ „Сибирь", гдѣ этотъ путешественникъ съ одной стороны опровергалъ Кеннана, съ другой-же позорилъ и порочилъ русскихъ „политическихъ" въ Сибири. Вотъ что писалъ г. Іостъ въ своей статьѣ: „При помощи постояннаго, запретнаго, а потому и разжигающаго и возбуждающаго общенія съ преступниками опаснѣйшаго рода Кеннанъ сдѣлался въ теченіе своей статьи настолько ожесточеннымъ и озлобленнымъ анархистомъ, что ему самому можно-бы пожелать петлю или 10 лѣтъ имъ самимъ описанной тюрьмы, если-бы не знать, что, конечно, онъ не такъ плохо думалъ на самомъ дѣлѣ. Выводы изъ его описаній его не интересуютъ. Его читатели могутъ впослѣдствіи стать цареубійцами, метателями бомбъ, динамитчиками, или петролейщиками, ему это въ высокой степени безразлично. Тѣмъ не менѣе я нахожу прежде всего достойнымъ въ высокой степени сожалѣнія, что Кеннанъ дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ для своихъ читателей различіе между политическими и обыкновенными преступниками. Онъ пестро перемѣшиваетъ ихъ другъ съ другомъ..." „Здѣсь нужно еще сдѣлать одно слово замѣчанія: Кеннанъ симпатизируетъ „политическимъ" самаго пошлаго рода, трусливыя преступленія которыхъ онъ щадитъ и извиняетъ въ такой степени, что онъ постепенно долженъ и въ читателѣ посѣять

мысль, что уже одно только простое наказаніе политическаго является несправедливостью со стороны русскаго правительства . . .“ „Кто-же это его ,,,,симпатичные политическіе друзья““? Совершенно обыкновенные убійцы, мошенники, разбойники, воры, проститутки и содержанцы!“ „Однако, г. Кеннанъ умѣетъ каждому накинуть красивенькую мантію. Негодяй, который убилъ царя, или привелъ желѣзнодорожный поѣздъ къ крушенію, или городскую часть взорвалъ на воздухъ только для того, чтобы уничтожить императора или его представителя — тотъ является для него ,,,симпатичнымъ политическимъ съ либеральными воззрѣніями““; студентка, которая проституировалась съ каждымъ товарищемъ по убѣжденіямъ, ломала кассы, крала деньги, чтобы на нихъ купить своимъ содержанцамъ водку и папиросы, она становится подъ перомъ Кеннана ,,,,симпатичной жертвой русской тиранніи . . .““ „Кеннанъ не находитъ достаточно словъ насмѣшки для царя и русскаго правительства, которые боятся этихъ нѣжныхъ школьныхъ дѣвочекъ и ссылаютъ этихъ ,,,,невинныхъ дѣтей““ въ Сибирь изъ той среды, которую они заражаютъ. Онъ или не знаетъ, или не хочетъ знать, что еврейка Іесси Гельфманъ, которая при помощи извѣстнаго маханія платкомъ была прямой убійцей царя Александра II, точно также была едва-ли 18 лѣтъ и только потому къ сожалѣнію не была повѣшена, что была беременной. Однако, для Кеннана это — героиня, какъ и всѣ другія ,,,,нѣжныя дѣвушки отъ 18 до 25 лѣтъ““, которыхъ онъ считалъ-бы за учительницъ въ воскресной школѣ или за стыдливыхъ воспитанницъ женскаго учебнаго заведенія, которыя не

совершали никакихъ преступленій, кромѣ какъ только ,,,,принимали дѣятельное участіе въ страшныхъ трагедіяхъ послѣднихъ 15 лѣтъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ"" — а слѣдовательно были убійцами, динамитчицами, отравительницами, воровками, коротко — преступницами наибыкновеннѣйшаго сорта . . ." ,,Я могу еще, можетъ быть, упомянуть, что бóльшая часть политическихъ преступниковъ обоего пола, съ которыми сдружился Кеннанъ и которые ,,,,разсказывали ему исторію своей жизни"", были евреями — фактъ, о которомъ Кеннанъ удивительнымъ образомъ не упоминаетъ. Какъ извѣстно, нигилисты рекрутируются преимущественно изъ еврейскихъ круговъ студентовъ и преступниковъ." Таковы описанія почтеннаго г. Іоста. Не мудрено, что онъ прибавляетъ въ концѣ статьи: „Гарденъ былъ первый и до сихъ поръ единственный нѣмецкій журналистъ, который имѣлъ мужество отказать кеннановскому фетишу въ обычныхъ почестяхъ". Лживыя и клеветническія росказни Іоста, напечатанныя Гарденомъ, нашли, само собою разумѣется, заслуженную оцѣнку на партейтагѣ. Какъ совершенно справедливо было замѣчено Каутскимъ, ни одинъ ,,честный и приличный человѣкъ" никогда себѣ не позволитъ ,,позорить или содѣйствовать опорочиванію жертвъ политическаго преслѣдованія, къ какой-бы партіи онѣ ни принадлежали!" „Мы испытали много нападокъ со стороны бюргерской прессы", говорилъ Каутскій на партейтагѣ, ,,но я не знаю ни одной статьи, которая была-бы такъ низменна и площадна, какъ эта". Клара Цеткинъ въ своей рѣчи выразилась еще болѣе ярко: ,,если когда-нибудь въ исторіи освободительной борьбы

всѣхъ странъ были женщины и мущины, которые сумѣли соединить величіе античныхъ героевъ съ самоотверженностью христіанскихъ мучениковъ, то это именно были русскіе революціонеры. И въ этомъ органѣ . . , такихъ мущинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ лучшимъ и благороднѣйшимъ всѣхъ временъ и народовъ, къ дѣяніямъ которыхъ мы всѣ испытываемъ чувство: сними свою обувь, земля, на которой ты стоишь, священна, въ этомъ органѣ, гдѣ эти люди были такъ облиты грязью, должно быть невозможно сотрудничество не только для соціалиста, но и для всякаго приличнаго человѣка"*).

Впрочемъ, какъ было выяснено на партейтагѣ, клеветническій и партійный характеръ безпартійнаго гарденовскаго листка сказался довольно таки ярко и въ самое послѣднее время. Вотъ что было помѣщено въ этой газетѣ въ 1902 г., во время геройской борьбы соціалъ-демократіи противъ голодныхъ пошлинъ и хлѣбнаго ростовщичества: „Человѣкъ" — подразумѣвается здѣсь графъ Бюловъ —, „котораго краснорѣчіе еще вчера чтили какъ истинно современнаго человѣка, какъ достойнаго наслѣдника (Бисмарка?), увидѣлъ себя теперь пригвожденнымъ къ позорному столбу въ качествѣ представителя мрачнѣйшей тьмы, а санбернардскіе псы, дрессура которыхъ, казалось, уже закончена, показывали бѣлокурому укротителю угрожающе зубы. Ни одинъ изъ предводителей хора ругателей не проштудировалъ 161 страницы проэкта, никто изъ нихъ съ пылкимъ стара-

*) Protokoll d. Parteitages 1903, стр. 214—215, 248 до 249, 173, 179.

ніемъ не изслѣдовалъ цѣнности и смысла 946 статей тарифа, никто не могъ найти отвѣта на вопросъ о томъ, скверная-ли или старательная работа была имъ въ немъ представлена“ . . . „и г. Бебель добрался до обѣта утащить въ преисподнюю это смѣхотворное порожденіе“ . . . „Дѣло графа Бюлова, который уже изрыгнулъ отвратительныя сравненія съ „таможеннымъ челномъ“ и „таможеннымъ корабельщикомъ“, чтобы только открыть притокъ воздуха мысли, стояло очень плохо, тогда пришла къ нему помощь изъ лѣваго лагеря. Соціалъ-демократы желали-бы слишкомъ охотно маршировать на поле избирательной борьбы подъ священнымъ знаменемъ хлѣбнаго ростовщичества. Во-первыхъ: такъ какъ тогда съ ними не могутъ бороться бюргерскіе радикалы; во-вторыхъ: такъ какъ такіе пароли избавляютъ ихъ отъ необходимости разоблачить раздробленную ревизіонистами подъ цвѣтъ окаменѣлости программу; въ-третьихъ: такъ какъ они — и этому учатъ насъ несказанно пустынные партейтаги — именно теперь не имѣютъ никакого иного дѣйствительнаго боевого клика, чѣмъ этотъ самаго дешеваго свойства, который можетъ пробить даже самые пустые мозги демагога. Партія, которая постоянно ссылается на науку, на детерминирующую силу классоваго сознанія и эволюціи, не постыдилась теоретическій споръ перенести въ безвоздушное пространство совѣсти, или морали; она презираетъ всякаго, кто вмѣстѣ съ Жоресомъ, вмѣстѣ въ безчисленными соціалистами всѣхъ частей свѣта считаетъ необходимой таможенную защиту современнаго производства, и не стыдится здѣсь союза съ бартовской банкирской гвардіей, которой нѣжная

совѣсть не выноситъ правда пяти марокъ хлѣбной пошлины, но переноситъ три марки съ половиной. Старый манчестерскій бредъ, англійская болѣзнь, сидитъ въ крови у сыновъ блудныхъ Маркса. Стратеги лѣваго лагеря забываютъ двѣ вещи. 1) Таможенные раздоры не возбудятъ страну. 2) Только трусливое большинство дастъ себѣ закупорить каналъ своей воли. Разъ только техника голосованія измѣнена, то съ этимъ вмѣстѣ ничья обязанность не устранена, ничье право не уменьшено, и сверхъ этого еще остается сотня различныхъ путей къ тому, чтобы спасти тарифъ. Только партіи, желающія такого спасенія, должны наконецъ подождать съ разговорами и приступить къ дѣлу. Ихъ рѣшеніе, если только онѣ желаютъ избѣжать выборной борьбы на почвѣ тарифа, не должно быть двусмысленно“ . . .*) Такъ писалъ безпартійный Гарденъ противъ соціалъ-демократіи, и это въ то самое время, когда партія вела отчаянную борьбу противъ тяжелаго налога на всѣхъ ѣдоковъ хлѣба въ пользу юнкерства и противъ запретительныхъ пошлинъ для процвѣтанія крупнаго капитала за счетъ потребителя! И въ это самое время члены партіи Лили Браунъ, Бернгардъ, Гёрэ, Борхардъ и — по утвержденію многихъ — Штрёбель работали въ „Zukunft“, поддерживали своимъ сотрудничествомъ Гардена и придавали ему тотъ моральный престижъ, которымъ онъ пользовался для того, чтобы далѣе пачкать и унижать партію! И это, конечно, не представляетъ ничего удивительнаго. Какъ было выяснено относительно Бернгарда Штадгагеномъ,

*) Protokoll d. Parteit. 1903, стр. 223—224.

онъ будучи только торговымъ редакторомъ газеты „Die Welt am Montag“, всетаки долженъ былъ нѣсколько разъ подписывать газету въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и брать на себя нравственную отвѣтственность за всѣ другія статьи газеты. И среди этихъ статей было между прочимъ такое мѣсто: „только либерализмъ въ старомъ истинномъ смыслѣ слова можетъ спасти міръ“, „мы вмѣстѣ съ нимъ убѣждены въ психологической невозможности сегодня еще господствующихъ соціалистическихъ ожиданій“..*)

И такъ должно было быть. Бернгардъ и компанія пришли къ тому неизбѣжному выводу, который они сдѣлали стоя на почвѣ буржуазной индивидуалистической морали. Они разсуждали и дѣйствовали отнюдь не какъ плохіе или безнравственные люди вообще. Они только принесли въ соціалъ-демократію то понятіе о личной морали, которое свойственно вообще всему современному обществу. Они рѣшили, что мораль и партія не имѣютъ между собою ничего общаго. Они стали соціалъ-демократами не перестроивъ своей личной морали и потому подверглись самымъ тяжелымъ и грустнымъ послѣдствіямъ.

Въ буржуазномъ обществѣ мораль находится цѣликомъ въ распоряженіи автономной, ни отъ кого не зависимой личности. Эта личность рѣшаетъ по своему произволу добро и зло и устанавливаетъ для себя нормы поведенія, которыя она соблюдаетъ или нарушаетъ по своему усмотрѣнію. Это полный абсолютизмъ въ внутренней жизни, который необходимо и естественно граничитъ съ

*) Protokoll d. Parteitages 1903, стр. 187.

анархизмомъ. Это — то извращеніе ницшеанства, которое вырождается въ полную свободу отъ какой-либо нравственности, въ совершенную анархію воли и распущенность. Несправедливо, конечно, приписывать великому Ницше отвѣтственность за подобное ницшеанство. Въ этомъ замѣшано слишкомъ много глубокихъ и серьозныхъ соціальныхъ причинъ; на которыхъ мы въ настоящее время не считаемъ возможнымъ останавливаться. Но фактъ остается фактомъ. Столь прекрасно звучащая полная нравственная автономія личности приводитъ здѣсь только къ оправданію всякаго этическаго содержанія во имя формальной автономіи воли. И на этомъ-то принципѣ построена та удивительная система нравственной безотвѣтственности и „терпимости“, которая господствуетъ въ бюргерскомъ обществѣ и даетъ ему возможность быть открыто безнравственнымъ, сохраняя въ тоже время всѣ услады жизни, присвоенныя каждому моральному и порядочному буржуа. И формула этого широкаго всепрощенія весьма характерна. Она родилась еще въ XVIII вѣкѣ вмѣстѣ съ рожденіемъ политически мощной буржуазіи и съ тѣхъ поръ благосклонно прикрываетъ собою всѣ грѣхи и грѣшки властвующаго класса. Формула эта гласитъ: „Tout comprendre — tout pardonner!“ (все понять — все простить). Это основа типичной буржуазной морали, разсуждающей не о дѣлахъ, а только о мотивахъ. „Все понять“ — это значитъ убѣдиться въ томъ, что данное лицо поступило согласно мотивамъ, которые въ данный моментъ оно само считало нравственными ... Совершенно естественно вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждый желающій оправдать свое дѣяніе найдетъ вмѣстѣ

съ тѣмъ всегда соотвѣтственные мотивы, которые съ его точки зрѣнія совершенно прикроютъ принципомъ „автономной“ морали всякую гадость, какую-бы данное лицо ни учинило. „Все простить“ — это значитъ: послѣ совершившагося такимъ путемъ оправданія даннаго лица войти опять съ нимъ въ сношенія, какъ съ безупречнымъ и нравственнымъ членомъ общества. — Полное отсутствіе общественной отвѣтственности въ области моральнаго дѣланія — таково неизбѣжное дополненіе quasi-ничшеанской буржуазной морали, и вполнѣ естественно, что Бернгардъ и компанія не только удивились, но и жестоко обидѣлись, когда ихъ личные мотивы не были признаны въ партіи исключительнымъ критеріемъ для сужденія ихъ поведенія. Они дѣйствовали вполнѣ послѣдовательно со своей точки зрѣнія. Считая себя морально свободными, они образовали свое сужденіе по данному вопросу и провели его. Кто можетъ нарушить ихъ право свободнаго мнѣнія? И развѣ это не демократическій принципъ? И на этой точкѣ зрѣнія и стоялъ въ особенности В. Гейне, буржуазнѣйшій изъ соціалистовъ, когда съ паѳосомъ въ защиту Бернгарда призывалъ именно свободу мнѣній!

Гейне, однако, забылъ одно. Признавая свободу мнѣній, буржуазное общество въ тоже время умѣетъ чрезвычайно умно и осторожно исключить изъ подъ дѣйствія моральнаго закона все то, что оно желаетъ обезпечить отъ вліянія анархіи личнаго усмотрѣнія. Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о серьозныхъ классовыхъ интересахъ, тамъ на мѣсто субъективной морали оно ставитъ объективные принципы приличій или цѣлесообразности, опира-

ется на обычаи или моду, закрѣпляетъ требованія классовой политики въ нормахъ права или полицейскаго благочинія. И въ область политики буржуазія никакой морали не пускаетъ: тамъ царствуетъ „моральный минимумъ“, который отъ всякой личной свободы мнѣній независимъ. Такъ создается характернѣйшая черта современнаго образованнаго общества, состоящая въ хроническомъ и безнадежномъ противорѣчіи между моралью и политикой, которое въ концѣ концовъ придаетъ ему характеръ лицемѣрія съ одной стороны и голаго принужденія съ другой. Тотъ, кто не желаетъ отказаться отъ моральности своего поведенія во всѣхъ случаяхъ противорѣчія своей личной морали съ предписаніями права или приличія, долженъ въ силу этого или стать мученикомъ или дѣлать одно, а исповѣдывать другое. А такъ-какъ человѣкъ слабъ, то и выходитъ, что подавляющее большинство или цѣликомъ отказывается отъ всякаго нравственнаго сужденія и приспособляется безъ всякой критики къ данному положенію вещей, или же практикуетъ невѣроятное раздвоеніе своего нравственнаго существа и спокойнѣйшимъ образомъ ежедневно совершаетъ то, что осуждается его нравственнымъ сознаніемъ. Отсюда и полное притупленіе моральнаго чувства, отсюда и чрезвычайная легкость моральныхъ сужденій, безразборчивость средствъ и выступленіе на первый планъ личной борьбы и личныхъ отношеній.

Тамъ, гдѣ прекращаютъ свое дѣйствіе принципы и убѣжденія, ихъ мѣсто занимаютъ мелкіе расчеты и жалкая борьба филистерскихъ самолюбій. Мелкія личныя связи и угодничество, сопровождае-

мыя заочной сплетней и обливаніемъ изподтишка грязью. Желаніе во что бы то ни стало всѣхъ и вся свести въ то пошлое болото, въ которомъ сидишь самъ. Скрытая стихійная злоба подъ прикрытіемъ сентиментальной приторности, положительная ненависть ко всему, что только несетъ въ себѣ хоть малѣйшій признакъ объективнаго идеала и нравственнаго суда — все это тѣ свойства, которыя такъ рѣзко характеризуютъ современную буржуазію, и, какъ это съ полной очевидностью доказалъ дрезденскій партейтагъ, именно у Бернгарда, Брауна и комп. оказалось слишкомъ много чертъ и свойствъ этой пошлой бюргерской морали. Обвиненные и уличенные въ цѣломъ рядѣ пошлостей, они не нашли ничего лучшаго, какъ постараться въ свою очередь замарать и загрязнить кое-кого изъ числа своихъ обвинителей, въ данномъ случаѣ — Франца Мэринга. Для этого они припомнили тѣ исторіи, которыя совершились двадцать пять лѣтъ тому назадъ, раскопали полузабытыя подробности, которыми сопровождался тогда переходъ этого талантливаго публициста изъ числа враговъ партіи въ число ея лучшихъ бойцовъ. Обвинили его въ двоедушіи и лжи и на его обличеніи хотѣли сыграть для того, чтобы, замаравъ партію, если и не выйти самимъ чистыми изъ воды, то по крайней мѣрѣ окрасить всѣхъ остальныхъ подъ цвѣтъ своей собственной кожи: Дескать, если мы и имѣли дѣло съ низкимъ нравственно Гарденомъ, то и не лучше всѣ наши обвинители, которые возятся съ Мэрингомъ; одинъ-де стоитъ другого, и если насъ обвиняютъ въ нравственной поддержкѣ негоднаго человѣка, то и наши противники не лучше . . . Положимъ, всѣ

эти попытки оклеветать своихъ обвинителей не удались, и Бернгардъ, Браунъ и имъ подобные смирились передъ сужденіемъ партейтага и полнымъ отреченіемъ отъ своего сотрудничества у Гардена купили себѣ и отпущеніе грѣховъ. Нельзя, однако, не признать, что пріемы подобной защиты живо напоминаютъ собою нравы буржуазнаго общества, въ которомъ личныя отношенія замѣняютъ собою принципы поведенія, а формула: „и у другихъ не лучше“ — съ успѣхомъ фигурируетъ въ качествѣ высшаго критерія морали . . .

У соціалъ-демократовъ пока еще не такъ. Они не довольствуются одной формально-индивидуалистической моралью. Признавая вмѣстѣ съ радикальнѣйшей демократіей, что совѣсть и нравственное сознаніе лица не могутъ подлежать никакому принужденію, соціалисты вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, выставляютъ на своемъ знамени положительныя требованія морали и приглашаютъ присоединиться къ себѣ всѣхъ, кто искренно желаетъ возлюбить ближняго, какъ самого себя, желаетъ слѣпыхъ прозрѣнія, больныхъ исцѣленія, лѣта Господня благопріятнаго . . . Но эту положительную объективную мораль соціалъ-демократія не дѣлаетъ игрушкою личнаго произвола, она подымаетъ ее до значенія морали общественной, она создаетъ изъ нея законъ, который долженъ охватить собою всю публичную, общественную дѣятельность лица, пока оно желаетъ исповѣдывать вѣру соціализма, и для провозглашенія этого закона она создаетъ особые органы, и для осуществленія его требованій особый открытый общественный судъ.

Соціалъ-демократъ морально обязанъ идти въ рядахъ классовой борьбы, иначе онъ измѣнникъ

дѣлу широкихъ народныхъ массъ и ихъ грядущаго освобожденія. Онъ не долженъ вступать за свой счетъ и страхъ ни въ какія сдѣлки и компромиссы съ врагами по собственному произволу или усмотрѣнію —, иначе онъ легко доставитъ поддержку или по крайней мѣрѣ передышку врагамъ, съ которыми борьба есть его величайшая нравственная заповѣдь. Онъ станетъ непорядочнымъ и нечестнымъ человѣкомъ, если онъ нарушитъ принципъ повиновенія волѣ трудящихся классовъ и, оставаясь офиціально соціалъ-демократомъ, отмѣнитъ для себя принципъ общественной морали и поставитъ на ея мѣсто безграничную свободу этическаго усмотрѣнія.

И повторяемъ, для провозглашенія классовой морали соціалъ-демократіи, также какъ и для суда надъ ея нарушителями у партіи имѣются достаточно авторитетные органы. И главное мѣсто среди нихъ занимаетъ партейтагъ. Это — вселенскій соборъ соціалъ-демократіи. Какъ и вселенскіе соборы онъ является не только высшей политической инстанціей партіи, но и воплощеніемъ ея „души“; какъ и церковные соборы онъ устанавливаетъ принципы борьбы съ невѣрными, судитъ грѣшниковъ и стремится къ познанію и раскрытію общественной правды. Наконецъ, какъ и тѣ соборы онъ претендуетъ на міровое вселенское значеніе, не знающее ни Еллина ни Іудея. Но на этомъ сходство и кончается. На соціалистическомъ соборѣ засѣдаютъ не попы и монахи, а посланные рабочихъ. Они руководствуются не сверхъестественной волей, а естественнымъ разумомъ и религіей человѣчности. Они не прибѣгаютъ ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ, но

исповѣдуютъ одну лишь свободу. Они не проклинаютъ или отлучаютъ, а подвергаютъ открытому общественному суду. Публично, при свѣтѣ солнца, не стыдясь никого въ мірѣ, обнажаютъ они свои больныя мѣста и смываютъ съ себя черныя пятна буржуазной заразы! . . .

Нечего и говорить, что на дрезденскомъ партейтагѣ резолюція седьмая была принята подавляющимъ большинствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко и рѣшительно признана глубокая нравственная пропасть между буржуазнымъ міромъ и соціалъ-демократіей.

Въ своей бюджетной рѣчи въ Рейхстагѣ Бебель назвалъ дрезденскій партейтагъ „источникомъ обновленія“ партіи (Jungbrunnen der Partei); это весьма легко понять; въ своемъ страшномъ судѣ надъ собою и надъ своими сочленами партія дѣйствительно почерпнула новыя силы, которыя надолго послужатъ ей въ ея героической борьбѣ на пользу труждающихся и обремененныхъ.

Типографія Левента (С. Сиднеръ), Берлинъ SW. 68.
Линденштрассе 93.